

ср
18915

ТОБОЛЬСКІЯ

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ,

ИЗДАВАЕМЫЯ ПРИ БРАТСТВѢ СВ. ВЕЛИКОМ. ДИМИТРІЯ СОЛУНСКАГО

№

СВ. ВЕЛИКОМЪЧЕНИКА ДИМИТРІЯ СОЛУНСКАГО

12.

16-го іюня

1898 года

БИБЛИОТЕКА
МОСКОВСКОЙ ДУХОВНОЙ
АКАДЕМІИ.

Выходятъ два раза въ мѣсяцъ 1 и 16 чисель.

г. Тобольскъ.

Типографія Епархіальнаго Братства.

ТОБОЛЬСКІА

ЕПАРХІАЛЬНЫА ВѢДОМОСТИ,

издаваемые при Братствѣ св. великомученика Димитрія Солунскаго

Цѣна годовому изданію съ доставкою и пересылкою—5 рублей.

Св. великомученикъ Димитрій Солунскій.

Подписка принимается въ Исполнительномъ Комитетѣ Братства, въ г. Тобольскѣ.

№

12.

16-ГО ІЮНЯ

1898 ГОДА.

ВЫХОДЯТЪ ДВА РАВА ВЪ

МѢСЯЦЪ: 1 и 16 ЧИСЕЛЪ

ОТДѢЛЪ ОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Распоряженіе Епархіальнаго Начальства.

Указъ ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА САМОДЕРЖЦА ВСЕРОССІЙСКАГО, изъ Тобольской духовной Консисторіи о.о. благочиннымъ Тобольской епархіи.

По указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, Тобольская духовная Консисторія слушала: причтъ село-Каменской церкви, Ишимскаго округа, 26 марта с. г. за № 46, представилъ на разсмотрѣніе и утвержденіе Епархіальнаго Начальства переписку по отдачѣ устройства въ храмъ новаго иконостаса. По разсмотрѣніи этой переписки найдено, что причтъ означенной церкви, безъ вѣдома мѣстнаго благочиннаго и безъ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства,

устройство въ храмѣ новаго иконостаса отдать подрядчику безъ торговъ, по кондиціямъ, Епархіальнымъ Начальствомъ не утвержденнымъ, въ чемъ и заключилъ съ подрядчикомъ нотаріальный контрактъ. Въ виду этого, постановленіемъ, состоявшимся и Его Преосвященствомъ утвержденнымъ 12/14 сего мая, опредѣлено: причтъ село-Каменской церкви, за своеволие по отдачѣ работъ иконостаса въ мѣстномъ храмѣ, опенировать 20 рублями въ пользу бѣдныхъ духовнаго званія, а такъ какъ, на основаніи 47 и 52 ст. Уст. дух. консисторій, постройки и ремонты храмовъ, устройство въ нихъ иконостасовъ, а потому и отдача подрядовъ по этимъ постройкамъ, назначеніе торговъ, рассмотрѣніе и утвержденіе сметъ, кондицій и контрактовъ, производится съ разрѣшенія Епархіальнаго Начальства, поэтому обязать причты и строительные комитеты Тобольской епархіи неопустительно каждый разъ испрашивать по этимъ предметамъ разрѣшенія и непременно чрезъ мѣстныхъ благочинныхъ, которые по тщательному рассмотрѣнію этихъ ходатайствъ должны направлять ихъ къ Епархіальному Начальству только тогда, когда они вполне законны и заслуживаютъ удовлетворенія; при этомъ предупредить какъ о.о. благочинныхъ, такъ причты и комитеты, что за невыполненіе сего виновные будутъ подвергаемы законной отвѣтственности. Объ изложенномъ и дается знать духовенству Тобольской епархіи къ исполненію. Мая 16 дня 1898 года. № 4651.

Епархіальныя извѣстія.

За особое усердіе и ревность въ дѣлѣ благоустройства мѣстныхъ церк.-приходскихъ школъ и школъ грамоты, Училищный Совѣтъ при Св. Синодѣ удостоилъ награжденія книгою «Библія», отъ Св. Синода выдаваемою, слѣдующихъ лицъ: с. Ашлыкского, Тобольскаго округа, священника Михаила *Лаврова*; с. Тевризскаго, Тарскаго округа, священ. Іоанна *Неводчикова*; с. Ново-Троицкаго, Ишимскаго округа, священ. Петра *Пономарева*; с. Пѣгановскаго, того же округа, священ. Стефана *Аталькова*; с. Введенскаго, Курганскаго округа, священ. Θεодора *Андреева*; с. Зимовье-Вагайскаго, Ялуторовскаго округа, священ. Алексія *Машанова*.

Г.г. сельскому врачу, проживающему въ слободѣ Бѣлозерской,

Курганскаго округа, Георгію Петровичу *Шубскому*, какъ руководителю хора при мѣстной церкви, мировому судѣ Александрю Махаловичу *Малевичу* и земскому засѣдателю Николаю Александровичу *Пепеляеву*, какъ его сотрудникамъ и участникамъ въ столь благомѣдлѣ, объявляется благодарность и преподается благословеніе Архипастыря.

Церковному старостѣ прихода Бобылевскаго, Ялуторовскаго округа, крестьянину Стефану *Шестакову*, за пожертвованія на благоустройство мѣстнаго храма, преподано благословіе Св. Синода, съ выдачею установленной грамоты.

Крестьянкѣ Каргалинской волости, Тарскаго округа, д. Рабовой, Оеклѣ *Кузнецовой*, за сборъ 948 р. 67 к. на постройку въ сей деревнѣ храма, преподано благословеніе Архипастыря.

Крестьянину деревни Другановой, Червищевской волости, Тюменскаго округа, Никифору *Мысовскихъ*, за пожертвованіе колокола къ вновь сооруженной церкви въ деревнѣ Червищевой, объявляется благодарность Архипастыря.

Объявляется благодарность Епархіальнаго Начальства: настоятелици Иаанно-Введенскаго монастыря, игуменіи *Мирони*, за пожертвованія въ градо-Тобольскую больничную церковь двухъ полныхъ парчевыхъ священническихъ облачений и шелковаго подризника; мѣщанину Аванасію *Голубцову* за пожертвованіе въ градо-Ялуторовскую Вознесенскую церковь на мѣстныя иконы четырехъ бѣлыхъ металлическихъ ризъ съ вызолоченными вѣнцами; крестьянину Геннадію *Данченкову* за пожертвованіе въ село-Архангельскую церковь, Ялуторовскаго округа, хоругвий, и церковному старостѣ храма каторжной № 1-й тюрьмы г. Тобольска, Михаилу *Городецкому*, за пожертвованія въ пользу означеннаго храма на сумму свыше 300 рублей.

Крестьянинъ Григорій *Разевъ* утвержденъ въ должности церковнаго старосты при село-Кармацкой церкви, Ишимскаго округа.

Служенія Архипастыря.

14 мая. Божественная литургія въ кафедральномъ соборѣ и царскій молебень при участіи всего градскаго духовенства.

- 17 мая. Божественная литургія въ кафедральномъ соборѣ.
 24 — Божественная литургія въ кафедральномъ соборѣ.
 25 — Божественная литургія въ кафедральномъ соборѣ и царскій молебенъ при участіи всего градекаго духовенства.

ВАКАНТНЫЯ МѢСТА къ 1 іюня 1898 г.

Священническія. 1. Въ с. Алымскомъ, *Тоб. округа.*

2 — Шатровскомъ (2-е),	} <i>Ялutorов-</i>
<i>скаго окр.</i>
3 — Исетскомъ (2-е),	
4 — Бердюгинскомъ <i>единостр.</i>	

5 — Перпинскомъ (2-е),	} <i>Куртанск.</i>
<i>окр.</i>
6 — Гладковскомъ (2-е),	
7 — Верхне-Алабугскомъ и	
8 — Пѣтуховскомъ.	

9 — Зарословскомъ,	} <i>Ишимска-</i>
<i>го окр.</i>
10 — Кусерьяскомъ,	
11 — Долговскомъ,	
12 — Бердюжскомъ (2-е),	
13 — Армизонскомъ (2-е),	
14 — Травнинскомъ <i>един. (2-е) и</i>	
15 — Безруковскомъ.	

16 — Березовскомъ соборѣ (2-е) и	} <i>Берез. окр.</i>
17 — Вѣлгорскомъ.	

18 — Березовскомъ, *Тоб. округа.*

Псаломщическія.

1 — Троицкой <i>единостр. (1 и 2-е),</i>	} <i>г. Тюмени.</i>
2 — Вознесенской и	
3 — Спасской.	

4 — Слободо-Покровскомъ и	} <i>Тюменск.</i>
<i>окр.</i>
5 — Пышминскомъ (1 и 2-е).	

6	— Каменскомъ,	} Ялуторов.
окр.
7	— Кодскомъ <i>единовтр.</i> (2-е),	
8	— Уваровскомъ <i>единов.</i> (2-е),	
9	— Сосновскомъ <i>единов.</i> (2-е),	
10	— Крутихинскомъ <i>един.</i> (2-е),	
11	— Новоуковскомъ,	} Курганск.
округа.
12	— Бердюгинскомъ <i>единовтр.</i> и	
13	— Вигилинскомъ.	
14	— Чесноковскомъ (1 и 2-е),	
15	— Щучинскомъ <i>един.</i> (2-е),	
16	— Романовскомъ <i>един.</i> (2-е),	} Туринск.
окр.
17	— Ялымскомъ,	
18	— Локтинскомъ,	
19	— Макушинскомъ и	
20	— Чернавскомъ.	
21	— Сивковскомъ <i>единов.</i> (1-е) и	} Ишимска-
го округа.
22	— Везруковскомъ.	
23	— Сатыгинскомъ,	} Тоб. окр.
24	— Сургутской ц. г. Сургута (2-е).	
25	— Верхне-Пелымскомъ,	} Туринск.
окр.
26	— Кошукскомъ и	
27	— Антроповскомъ.	
28	— Викуловскомъ,	Тарск. ок.

Отъ Правленія Тобольскаго духовнаго училища.

Во второй половинѣ августа мѣсяца сего года будутъ произведены приемные экзамены въ подготовительный, первый и слѣдующіе классы Тобольскаго духовнаго училища.

Въ подготовительный классъ принимаются дѣти въ возрастѣ отъ 9 до 11 лѣтъ съ знаніемъ первоначальныхъ молитвъ и съ умѣніемъ читать печатную книгу по-русски, разбирать по-славянски, писать буквы и цифры.

Въ первый классъ поступаютъ дѣти въ возрастѣ отъ 10 до 12 лѣтъ, удовлетворительно сдавшія приемный экзаменъ по программѣ

приготовительнаго класса, отпечатанной въ № 21 Тобольскихъ Епарх. Вѣдомостей за 1896 г. и бесплатно выдаваемой Правленіемъ училища.

Въ слѣдующіе классы принимаются дѣти, имѣющія соответственныя классу познанія и возрастъ.

Прошенія о принятіи мальчиковъ въ училище (безъ гербовой марки) подаются на имя смотрителя училища; при прошеніи представляется метрическое свидѣтельство или, при неимѣніи его, выписка изъ метрикъ (съ гербовою маркою).

При училищѣ имѣется общежитіе, куда принимаются дѣти духовенства съ платою за полное пансіонерное содержаніе по 130 руб. въ годъ, за полу-пансіонерное содержаніе дѣти священниковъ — по 80 руб. въ годъ, дѣти діаконѳовъ и псаломщиковъ — по 60 руб. въ годъ. Кромѣ того, каждый ученикъ, живущій въ общежитіи, обязанъ ежегодно вносить по 5 руб. за постельный приборъ.

Инословныя воспитанники вносятъ ежегодно по 30 рублей за право ученія; за полное пансіонерное содержаніе въ общежитіи они вносятъ съ платою за постельный приборъ 135 руб. въ годъ и за полу-пансіонерное содержаніе 115 руб.

Плата за содержаніе въ общежитіи и за право ученія вносится по подугодіямъ впередъ, въ прожежутки времени отъ 20-го августа до 1-го сентября и отъ 1-го до 15-го января.

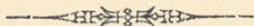
Правленіе Тобольскаго духовнаго училища располагаетъ 80-ю полно-епархіальными вакансіями, которыми имѣютъ право пользоваться какъ ученики Тобольскаго духовнаго училища, такъ и ученики Ишимскаго духовнаго училища, принадлежащіе по своему происхожденію къ Тобольской епархіи; поэтому Правленіе Тобольскаго духовнаго училища покорнѣйше проситъ учениковъ Тобольской епархіи, обучающихся въ Ишимскомъ духовномъ училищѣ и имѣющихъ вновь поступить въ него, съ прошеніями о принятіи на полное или половинное епархіальное содержаніе обращаться въ Правленіе Тобольскаго духовнаго училища, которое и распредѣлитъ 80 полно-епархіальныхъ вакансій между учениками, обучающимися въ Тобольскомъ и Ишимскомъ духовныхъ училищахъ. Желательно было бы, чтобы дѣти-сироты, вновь поступающія въ училище, принадлежащія по своему происхожденію къ Тобольской епархіи, были направляемы своими

опекунами для обученія въ Тобольское духовное училище.

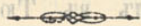
Вопросъ о принятіи учениковъ въ училище на полное епархіальное или полуепархіальное содержаніе можетъ быть окончательно рѣшенъ послѣ экзаменовъ и по полученіи свѣдѣній изъ Ишимскаго дух. училища о числѣ и объ успѣхахъ учениковъ Ишимскаго училища, принадлежащихъ по своему происхожденію къ Тобольской епархіи.

Своекоштные ученики для посѣщенія храма и для парадныхъ случаевъ обязаны имѣть или чернойъ суконный сюртукъ и такія же брюки или чернаго цвѣта блузу и брюки, хотя бы изъ самаго дешеваго матеріала.

По желанію родителей, своекоштные ученики училища могутъ имѣть одежду и обувь изъ училищнаго матеріала по цѣнѣ, въ каковую обойдутся вещи самому училищу.

Съ 15 августа с. г. при Тобольскомъ духовномъ мужск. училищѣ освобождается должность надзирателя. Жалованья надзирателю полагается 300 руб. въ годъ и 100 руб. за репетированіе учениковъ, при готовой квартирѣ и столѣ. Прошенія должны быть подаваемы на имя Правленія училища.

Къ свѣдѣнію духовенства Тобольской епархіи.

Продажа на епархіальномъ свѣчномъ заводѣ кадильнаго угля, за малопрігодностію послѣдняго и незначительнымъ спросомъ, прекращается.

Содержаніе: Распоряженіе Епархіальнаго Начальства.—Епархіальныя извѣстія.—Вакантныя мѣста.—Отъ Правленія Тобольскаго духовнаго училища.—Къ свѣдѣнію духовенства Тобольской епархіи.

ТЮМЕНСКИА

ЕПАРХИАЛЬНЫА ВѢДОМОСТИ.

№ 12.

16 іюня 1898 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

Вторая публичная бесѣда со старообрядцами въ г. Тюмени. *)

Состоявшаяся 3 мая въ залѣ городской думы вторая публичная бесѣда со старообрядцами на тему объ обрядахъ церковныхъ, о правѣ церкви измѣнять свои обряды, какъ на примѣръ обрядъ перетосложенія, привлекла большую массу слушателей, хотя на этотъ разъ лицъ женскаго пола, сверхъ чаянія, было очень мало. Говоримъ о нихъ потому, что этотъ персоналъ въ Тюмени живо и съ интересомъ относится къ преніямъ о вѣрѣ. Вѣроятно эти любительницы читать и послушать бесѣды отъ книгъ божественныхъ не знали того, что на этой бесѣдѣ выступать въ роли противницъ православной церкви и послѣдовательницъ древняго благочестія тоже не мало по своему начитанныя и искусившіяся въ словопреніяхъ наши тюменскія начетчицы, сестрицы Кайгородовы, хотя и знающія, что „женамъ апостолъ не повелѣваетъ въ церкви глаголати“, какъ одна старшая изъ нихъ, сказала, но тѣмъ не менѣе усердно помогавшія своему товарищу Д. Степанычу Сидорову вести бесѣду съ о. миссіонеромъ, на сколько только успѣшно, сама совѣсть и душа ихъ знаетъ. Бесѣда эта помимо того, что имѣла глубокой психологической интересъ, интересна была уже потому одному, что въ ней въ качествѣ

*) Заимствовано изъ „Сиб. Торг. Газ.“ съ нѣкоторыми измѣненіями.

диспутантовъ принимали участіе въ преніяхъ женщины, что здѣсь въ городѣ едва ли не первый случай. Въмѣсто прежняго, такъ сказать, подневольнаго совопросника, Ос. Р—ва, бывшаго въ январѣ на бесѣдѣ, анынѣ почему то неудостоившаго таковой своимъ посѣщеніемъ, явился раторборцемъ старой вѣры тугулымскій главарь пачетчикъ извѣстный Сидоровъ. Заговоривъ о преданіяхъ и обрядахъ, о. миссіонеръ Беллювовъ повелъ рѣчь о томъ, какъ во дни еще апостоловъ и болѣе важные обряды, (а при Спасителѣ и преданія старцевъ Имъ строго осуждены) какъ обрядъ обрѣзанія язычниковъ въ Антиохійской церкви, отмѣнялись или измѣнялись и указалъ на соборъ апостольскій въ Иерусалимѣ; какъ тотъ же апостоль Павелъ послѣ отмѣны обрѣзанія и самъ впоследствии обрѣзалъ ученика своего Тимоея, какъ потомъ и самъ будучи іудеемъ среди христіанъ изъ язычниковъ, живши не по іудейски, т. е. не гнушась родомъ пищи; отправлялъ въ Иерусалимѣ нѣкоторые обряды іудейскіе. Указывая затѣмъ на правила апостольскія о епископахъ, имѣвшихъ женъ, привелъ правило 6 вселенскаго собора, отмѣниващаго это правило и постановившаго безженство епископовъ. Переходя наконецъ къ вопросу объ употребленіи крестнаго знаменія двуи трехперстнаго на основаніи правилъ древнихъ соборовъ русской церкви, начиная съ опредѣленія стоглаваго собора, съ массою приводимыхъ изъ старопечатныхъ книгъ свидѣтельствъ и толкованій въ большемъ и маломъ катихизисахъ, во главѣ съ Θεодоритомъ, который въ разныхъ книгахъ старинныхъ изданій, одинаково уважаемыхъ старообрядцами, цитируется не одинаково, (что крайне смутило старообрядцевъ, какъ и безпоповцевъ) миссіонеръ закончилъ бесѣду о перстосложеніи свидѣтельствомъ изъ житій святыхъ, при чемъ выяснилъ, что и святые, какъ на примѣръ Варвара и др. держались не преданія нои не обычая въ данномъ случаѣ, но значенія тайны св. Троицы, чѣмъ бы ея ни изобразить изъ видимой природы, а не придерживались двоили троестергія. Окончивъ свою рѣчь, длившуюся около часу, не однократно прерываемую Сидоровымъ, миссіонеръ поставилъ въ заключеніе два слѣдующихъ (для старообрядцевъ всѣхъ толковъ и именованій родливо критическихъ: быть или не быть!) вопроса: 1) Имѣеть ли право святая церковь измѣнять свои обряды, въ частности перстосложеніе, не касаясь сущности вѣры

и 2) можно ли спастись безъ церкви Христовой при одномъ соблюденіи того или другого вида перстосложенія? Предложенные вопросы, какъ видно изъ вышеизложеннаго, вызвали сопросниковъ на щекотливый и въ высшей степени важный для нихъ исходъ: публично предъ своими заблуждающимися пасомыми темными овцами нахищеннаго отовсюду, изъ Христовой церкви, стада сознаться въ томъ, о правы ли были они, расколоучители, въ томъ, что изъ за обрядовъ, или вѣрнѣе преданій обрядовыхъ, обѣжать и другихъ увлеченіемъ собой отъ единоспасающей церкви Христовой и гдѣ они помимо этой церкви хотятъ найти себѣ спасеніе? (Или жони надѣются спастись съ помощью догматовъ вѣры, безъ церковныхъ таинствъ при одномъ только соблюденіи того или другого вида перстосложенія въ своихъ самочинныхъ сборищахъ, полагаясь на писанія и толкованія, находящіяся въ старинныхъ книгахъ, паче же кожаныхъ? На эти вопросы имъ приходилось отвѣтить: преданія обрядовыя измѣняемы, такъ какъ не въ нихъ спасеніе; перстосложеніе, какъ только наружное, символическое выраженіе таинства св. Троицы, само по себѣ не приводитъ къ спасенію, а такъ какъ у нихъ и таинствъ, какъ спасительныхъ средствъ, а напаче тайны причащенія нѣтъ, то и спасеніе ихъ самихъ и ихъ заблудшей паствы невозможно. Что отвѣчали на предложенные вопросы старообрядцы, собственно ихъ главари, изложимъ теперь, насколько это возможно, потому что трудно, собственно говоря, все изложить въ порядкѣ, систематично и опредѣленно. Извѣстно, что заправилы и вожди древняго благочестія люди настолько оригинальные, своеобразные и по своему якобы толково и послѣдовательно разсуждающіе, что трудно удержать на продолжительное время ихъ вниманіе на самомъ вопросѣ; мысль и рѣчь ихъ скользятъ по поверхности разсужденій, часто обрывается, бросается на вопросы посторонніе, и въ концѣ концовъ получается замѣтный цѣльный представленія какое то разбросанное неустановившееся отрывочное впечатлѣніе; думаешь вынести полное, осмысленное, убѣжденное въ правотѣ рѣшенія изъ бесѣды, а тутъ остается въ головѣ и памяти впечатлѣніе, какое получаешь отъ продолжительнаго смотрѣнія въ калейдоскопъ. Начнемъ съ Сидорова. Еще во время рѣчи миссіонера по ту сторону большого залнаго стола, сплошь занятаго старопечатными книгами большого и малаго формата, разу-

мѣтся, что по преимуществу въ кожѣ и съ застежками, выдавался, дѣлать это снова порывисто вставалъ, молодой и еще абълокурый дѣтина, то и дѣло трывнйся въ книгахъ и что то отныскивавшій, видимо хорошо, то же основательно по своему знавшій содержаніе и издаже листъ, на коемъ находится нужное ему свидѣтельство и толкованіе; прилично, и не безъ вкуса одѣтый, съ желаніемъ произвести впечатлѣніе на общество этой былъ самъ Сидоровъ, какъ намъ и послѣ сказали, и погѣ и калмаковской вѣры. Да онъ и привезенъ былъ, какъ оказалось, въ собраніе Калмаковымъ. Надо полагать, что этотъ Сидоровъ и добръ субсидируемый тюменскими и туглымскими и его насомыми, и живетъ вполнѣ и во всемъ въ удовольствіи, держитъ себя свободно, и независимо, о говорить порывисто и подчасъ съ нескрываемымъ задоромъ, и впрочемъ старается въ скорби вспомнить, и сдержатъ свой голосъ и издаже сознать свою горячность, и но ибъ всему видно, въ душѣ его кипитъ и клокочетъ злоба, и даже презрѣніе въ массѣ слушателей, окружающихъ его; старается, гдѣ нужно, говорить съ убѣжденіемъ въ правотѣ его образа и мыслей, и хочетъ произвести нужное ему впечатлѣніе и на толпу слушателей и не находя сочувствія въ гробовомъ молчаніи, и и не поддержаніи его, и безсилно снова опускается на мѣсто. Словомъ, Сидоровъ — человѣкъ, и какъ намъ онъ обрисовался и изотвсей бесѣды и словопреній, и едва ли въ сущности убѣжденный и безпоповецъ, и если онъ состоитъ оу и безпоповцевъ главаремъ, и попомъ и начетчикомъ, то въ силу, такъ сказать, традицій безпоповства освобождилось отъ мѣсто поа, и нѣтъ подходящаго вготовѣ на лицо, и ва Сидоровъ, и какъ и мало-мало и искусившійся и и искусенный въ мудрости и толкованіяхъ книгъ и старопечатныхъ, и ничто же сумняси и забралъ въ свои руки образды правленія и давай и править кормиломъ безпоповской общины. Читаетъ. А но и впрочемъ ко въ этомъ скажемъ ниже и въ Вѣдѣніи. Въ Вѣдѣніи Сидоровъ и вѣдѣніи и вѣдѣніи и вѣдѣніи. Оты Сидорова и началось возраженіе, и вмѣсто отвѣта на точно поставленные миссіонеромъ вопросы. Обычные извороты: Сидорову съ его единомысленицами непонятно, о которому де преданію православной церкви вѣрить. Она и принимаетъ два преданія: и держитъ и свои, допускаетъ и терпитъ и отъ, и что и сохраняются отъ, и единовѣрческой церкви? Снова и побуждаемый миссіонеромъ отвѣтитъ прямо и во все услышаніе на предложенные имъ два вопроса и что потому и уже бу-

дуть бесѣдовать о православіи и единовѣрїи, Сидоровъ беретъ старинную книгу, большой катихизисъ, отыскиваетъ мѣсто, гдѣ толкуется о томъ, что есть церковь и продолжительное время читаетъ это толкованіе; публика хранить молчаніе; Сидоровъ въ чтеніи то и дѣло запинаяся, ошибается, миссіонеръ его поправляетъ, улавливаетъ его мысли и желанія и помогаетъ найти искомое, снова разъясняетъ и съ терпѣніемъ ждетъ, наконецъ возражаетъ Сидорову, что это къ дѣлу не относится и спрашиваетъ, скоро ли онъ кончить? Сидоровъ словно обиженный съ укоризною обращается къ миссіонеру, что онъ состоитъ на жаловань, такъ ему легко все это учить и наизусть знать и скоро де все отыскивать.— „А меня вотъ прямо отъ пашни оторвали, только вчера вечеромъ объявили мнѣ о бесѣдѣ и я ночь 50 верстъ за 1 р. 60 к. на свои денежки въ городъ ѣхалъ и къ бесѣдѣ не готовился... Надо де сообразить и подумать и т. д.“ Читаетъ прерванное мѣсто о томъ, какова будетъ въ послѣдніе дни церковь, что въ ней все будутъ люди гонящіеся за богатствомъ, славой и удовольствіями міра сего и обращаясь къ слушателямъ за поддержаніемъ его мнѣнія спрашиваетъ ихъ: не такъ ли, почтенные? Всѣ вѣдь мы гоняемся за прелестями міра, въ бѣднотѣ и тебѣ и мнѣ жить не хочется, всѣ за модами, удовольствіями міра сего гоняемся... Миссіонеръ замѣчаетъ, что не въ средѣ только православныхъ, но и въ старообрядческомъ мірѣ много есть такихъ неистово благочестивыхъ недочетовъ, но не въ этомъ суть бесѣды; Сидоровъ съ досадою говоритъ миссіонеру: да что ты, Конст. Андреи—чѣ, меня перешибаешь? вѣдь я не мѣшалъ тебѣ, пока ты говорилъ! Вѣдь ты цѣлый часъ почитай, говорилъ, мнѣ возражать не давалъ; теперь не мѣшай мнѣ!—Да ты не дѣло все читаешь—говоритъ миссіонеръ, и скоро ли кончишь?—А дотолѣ читать буду, пока не начитаюсь! возразилъ Сидоровъ и снова сталъ читать. Въ публикѣ произошло нетерпѣніе, выразившееся въ глухомъ ропотѣ-гулѣ. Стоявшая рядомъ близъ стола доселѣ молчаливая женщина, какъ оказалось, Кайгародова съ злораднымъ апломбомъ подстрекнула Сидорова: да прочитай имъ еще что написано на 24 листѣ то! Читай, читай имъ! Миссіонеръ сказалъ ей, что онъ ей объяснитъ особо о томъ, что на этомъ листѣ писано, когда покончить бесѣду съ Сидоровымъ, а тогда съ ней вступить въ бесѣду; но К—ва возразила, что апостолъ не ве-

лить женамъ въ церкви глаголати и учти. Миссіонеръ на это сказалъ, что здѣсь не церковь, а мѣсто бесѣды о вѣрѣ. К—ва видимо не смутилась и съ Сидоровымъ взялась за какіе то листы, наклеенные на картонъ, кажется съ изображеніемъ старопечатнаго креста, какой изображается на просфорахъ, употребляемыхъ въ единовѣрческихъ церквахъ. Это заключаемъ изъ того, что тотчасъ же эти совопросники обратились по поводу этихъ изображеній съ упрекомъ къ миссіонеру: вотъ вы и крестъ то на просфорахъ измѣнили! отъ старинныхъ преданій отступили, а преданія эти отъ самыхъ первыхъ временъ Христовой церкви! Миссіонеръ хотѣлъ положить эти листы на столъ до времени, но К—ва и С—въ удержали, съ азартомъ возражая ему: куда, куда ихъ спрячешь! стой, не прячь! — да я не прячу, объясню послѣ и это преданіе, кончайте напередъ прежніе вопросы. Но дѣлать нечего, совопросники настояли на своемъ и миссіонеръ долженъ былъ удовлетворить ихъ любопытство (вѣрнѣе хитрый планъ ихъ — свести щекотливый и непріятный для нихъ вопросъ о двое и троеперстїи на почву осьми и четырехконечнаго креста на печати; словомъ, обычная увертка старообрядцевъ!). Объясняя значеніе преданія догматическаго, которое по существу де не подлежитъ измѣненію, а тѣмъ болѣе отиѣнѣ, затѣмъ преданія обрядоваго, которыя могутъ видоизмѣняться по требованію и духу времени, миссіонеръ хотѣлъ на примѣрахъ выяснить и показать значеніе ихъ, но снова былъ сбитъ и остановленъ Сидоровымъ, кратко заявившимъ, что мы де знаемъ обрядовыя преданія, вотъ ты въ такомъ одѣяніи — кафтанѣ, а псаломщики нынѣ въ сюртукахъ да короткихъ пальтахъ ходять. К—ва заговорила что то свое, поднялся никому непонятный споръ. Кто и о чемъ спорить, — разобрать было трудно и миссіонеръ долженъ былъ прекратить свое объясненіе, пока все не утихнетъ. Сидоровъ, сбивъ вопросъ о перетосложеніи съ правильной колеи, видимо теперь былъ доволенъ, направивъ бесѣду о преданіяхъ. Собраніе успокоилось и прислушивалось къ тому, что будетъ далѣе. Сидоровъ... да что Сидоровъ? Онъ оказывается готовился къ бесѣдѣ и готовился по своимъ стариннымъ уже испытаннымъ приѣмамъ старообрядцевъ: если нельзя и нѣтъ возможности сбить противника прямо, то нужно поражать сбоку, искать слабыя мѣста непріятеля со всѣхъ сторонъ и всѣми средствами, а средствъ этихъ теперь подѣ

рукою тутъ же очень много — цѣлый столъ заваленъ ихними книгами — бери что хочешь! Цѣлая старообрядческая библіотека въ его распоряженіи, но Сидоровъ, конечно, всё то во всякомъ случаѣ не перечиталъ эти книги! Говоримъ и заключаемъ такъ по тому, что изъ всей массы этихъ книгъ онъ пользовался очевидно въ своихъ интересахъ только двумя — тремя книгами. Находитъ Сидоровъ излюбленное старообрядцами „Мелетіево посланіе“ и читаетъ: слушатели уже знакомы на прошедшей бесѣдѣ съ содержаніемъ этого посланія, а потому мрачная картина, рисующая состояніе православія въ несчастное время уніи, пасомыхъ и пастырей, какъ хотѣлось Сидорову, тяжелаго впечатлѣнія на нихъ не произвела, всеже миссіонеръ счелъ нужнымъ — выяснить и Сидорову, небывшему на первой бесѣдѣ, дать возможность уразумѣть, что горсть недостойныхъ членовъ Христовой церкви въ то время раскола не учинила и нѣсколько православныхъ и достойныхъ епископовъ и пресвитеровъ вмѣстѣ съ пасомыми пребыли въ единеніи съ церковію. Сидоровъ возразилъ: да и въ нашей до-Никона церкви былъ достойный епископъ Павелъ Коломенскій, да вы его сожгли! Миссіонеръ, продолжая рѣчь по поводу Мелетіева посланія, снова постарался направить свою бесѣду на преданіе о перстосложеніи, при чемъ коснулся историческихъ изслѣдованій о томъ, какое знаменіе креста употребляла Русь московская и кіевская, привелъ цитаты изъ древнѣйшаго катихизиса малаго. На это Сидоровъ и К—ва отвѣчали выраженіемъ сомнѣнія. Когда же миссіонеръ предъявилъ имъ другую менѣе древнюю, кажется, полууставомъ писанную, чуть ли не у старообрядцевъ же имъ приобрѣтенную книжицу, свидѣтельствующую противъ нихъ и совопросникамъ неизвѣстную, то они пришли въ недоумѣніе... Но вотъ что прямо и буквально ошеломило ихъ: когда миссіонеръ привелъ свидѣтельство Аввакума о перстосложеніи по историческимъ изслѣдованіямъ Субботина, то С—въ и К—ва просто изумились и первый воскликнулъ чуть не съ ужасомъ: ой, ой, ой! Да это поклепъ на Аввакума! Гдѣ ты это вычиталъ?! Миссіонеръ прочиталъ цитату и указалъ, гдѣ это свидѣтельство Аввакума хранится. Посмотрѣвъ на книгу, С—въ прямо заявилъ съ К—вой, да мы этой книгѣ не вѣримъ! Вольно же вамъ печатать, что вздумаете! Посмотри-ка цензуру-то, навѣрно вашъ братъ священникъ или протопопъ какойнибудь цензуромъ-то былъ? Заговоривъ о двое и

троеперстіи, собесѣдники и сами не замѣтили того, что заговорились и дошли въ спорѣ до того, что „тайну св. Троицы“ хотѣли видѣть и разумѣть въ самыхъ перстахъ руки, а не символическое значеніе „тайны св. Троицы“. Снова миссіонеръ читаетъ по стариннымъ книгамъ, какъ слагать персты, куда ихъ класть. Къ—ва ухитряется положить крестъ на чело по своему. Миссіонеръ останавливаетъ ее и замѣчаетъ, что такъ и они не крестятся (сложенные три перста—большой, безымянный и мизинецъ она вѣроятно полагала на чело, тогда два перста—указательный и средній приходились на теми головы, выше чела), показала употребленіе креста; С—въ въ объясненіи старинныхъ выраженій сбивался и договорился до того, что миссіонеръ снова долженъ былъ вывести ихъ изъ лабиринта толкованій катихизисовъ и свидѣтельствъ Θεодорита и наконецъ спросилъ: которому же изъ двухъ взаимно противорѣчивыхъ свидѣтельствъ этого отца они, старообрядцы, вѣрятъ? Которое изъ нихъ правильно? Чувствуя себя разбитымъ и собираясь съ упавшими послѣдними силами, С—въ прямо и рѣзко заявилъ: то и другое вѣрно! Оставалось миссіонеру объяснить разность редакцій въ толкованіяхъ, съ цѣлю—выяснить, что обряды церковные, какъ и этотъ—перстосложеніе, или преданія обрядовыя въ Руси московской, какъ и кіевской, значенія большого и существеннаго не имѣли а въ до-Никоновское время раскола и споровъ изъ за этого не производили, а въ доказательство этого представилъ аналогичный примѣръ того, какъ разности обрядовыя, близко соприкасавшіяся съ совершеніемъ даже самыхъ таинствъ во времена патріарховъ до Никона, при Макаріѣ и Іосифѣ, не производили соблазна въ предкахъ нашихъ и отчужденія отъ единоспасающей церкви Христовой. Берутъ два „Потребника“ Макарія и Іосифа, изъ коихъ одинъ беретъ для сличенія „тайны крещенія“ досель глубокое молчаніе хранившій поморскаго толка поповъ, Василій Михайловъ (ни словомъ не обмолвившійся и на первой и на второй бесѣдѣ, точно его и нѣтъ тутъ!..), а другой беретъ въ руки самъ миссіонеръ и начинаетъ читать молитвы заклинанія, отреченія отъ діавола и другія. Всѣмъ присутствующимъ въ залѣ становится ясно убѣдительно, что молитвы въ одномъ потребникѣ такъ начинаются, а въ другомъ выраженіи совсѣмъ иныя, хотя содержаніе ихъ согласно; даже въ иныхъ обрядахъ (форма отреченія отъ діавола) разнятся до противорѣ-

чій: въ одно время употреблялось держаніе рукъ долу, въ другое — вверхъ и под. И эти измѣненія, заканчиваетъ миссіонеръ, не единичны, и все же не давали въ то время повода къ удаленію отъ церкви. Сидоровъ все это время молчалъ, видимо соображалъ и собирался съ силами не слагать оружія. Когда миссіонеръ окончилъ сличеніе чина совершенія таинства крещенія и замолчалъ, встаетъ С — въ и ведетъ рѣчь „о литургіяхъ“, какъ чины литургіи Златоуста и Василія Великаго, при взаимномъ въ существѣ своемъ сходствѣ и согласіи, тоже въ молитвахъ разнятся, но, какъ бы спохватившись и сообразивши то обстоятельство, что онъ самъ для себя незамѣтно изъ лагеря противниковъ (и самъ не знаетъ — какъ это случилось!) перешелъ на сторону православныхъ, неожиданно оборвалъ свою рѣчь на срединѣ, замолчалъ и ступевался. Самъ себя поразившій оружіемъ противника никоніанца, усталый, разбитый, негодующій въ душѣ, съ кипѣніемъ въ сердцѣ вышелъ изъ среды окружающей его толпы, но не прямо вонъ, а предварительно обошедши сзади толпу слушателей, какъ бы искалъ кого-то, но не нашедши — перекинулся словомъ съ одиноко стоявшимъ своимъ знакомымъ и уныло вышелъ изъ залы.

Въ заключеніе, миссіонеръ обратился къ слушателямъ съ рѣчью, въ которой упомянулъ о томъ, какое впечатлѣніе произвело на всѣхъ раскольниковъ-старообрядцевъ публично засвидѣтельствованное ими событіе открытія въ Черниговѣ мощей свят. Θεодосія Углицкаго, на которомъ представители старообрядческаго міра были въ громадномъ количествѣ, какъ они осматривали эти мощи и съ какими чувствами и мыслями возвратились домой и затѣмъ резюмируя содержаніе и итоги настоящей публичной бесѣды, провелъ параллель между самарянами*) временъ Спасителя и современными глаголемыми старообрядцами безпоповщины, поморянъ и австріяками (послѣдователями австрійскаго лже-священства, пона которыхъ ни на первой, ни на второй бесѣдѣ не было, а слушателями его пасомые, не сомнѣнно, тутъ были): первые гордились памятниками древности, — у нихъ въ Самаріи были жертвенники патріарховъ, гора Гаразиль, нѣкогда славившаяся тоже храмомъ истинному Богу, но храмомъ своевольно и вопреки волѣ Божіей построеннымъ и священствомъ при немъ незакон-

*) Бесѣда происходила въ воскресенье, въ недѣлю о самарянинахъ.

нымъ, почему де онъ и былъ разрушенъ; Самарянка хвалилась предъ Спасителемъ студенцемъ Іакова и его называла отцемъ своимъ, но Господь не одобрилъ ихъ богопоклоненіе: наши самаряне—старообрядцы, хвалясь преимуществами своей старой вѣры и преданіями старины, предковъ-отцовъ своихъ, преимущественно же старинными книгами, да еще паче всего кожаными, думаютъ только отъ этихъ памятниковъ старины получить спасеніе и, самовольно отлучивъ себя отъ Церкви Христовой, только обрядовыми преданіями, при одномъ соблюденіи того или другаго вида перстосложенія надѣются спастись безъ церкви въ своихъ самочинныхъ соборіяхъ и молельняхъ; это слово самаряне, такъ сказать, на старой подьялкъ; австріяки—, тѣже самаряне, по на новой подьялкъ: исканіемъ древняго священства, домогательствами и безчестнымъ похищеніемъ якобы древняго священства въ лицѣ греческаго митрополита Амвросія, перемазавъ его обманомъ по своему, думаютъ что приобрѣли себѣ истинное, по преемству отъ апостоловъ священство и іерархію, а съ нею и старую единоспасающую вѣру.

Заканчивая настоящій очеркъ происходившей нынѣ второй бесѣды со старообрядцами не можемъ не упомянуть слѣдующаго: почему на эти бесѣды не являются представители другихъ сектъ старообрядства, ихъ начетчики, главари, уставшики, попы и проч? ихъ и въ городѣ довольно и въ окрестностяхъ по деревнямъ есть извѣстные расколо-учители и вожди темнаго люда. Такъ, напримѣръ не безъизвѣстный оригинальный совопросникъ, крестьянинъ деревни Посоховой Никита Посоховъ, дававшій нѣкогда пространные вопросы и получившій уже отпечатанные на нихъ отвѣты; Кулаковскій попп Мальчихинъ не удостоили ни той ни другой бесѣды своимъ посѣщеніемъ; неявился нынѣ и Ос. Р—въ. Какая бы ни была причина ихъ отсутствія, во всякомъ случаѣ посѣщеніе и присутствіе ихъ желательно по слѣдующимъ соображеніямъ: за продолжительное время между бесѣдами не могло не произойти какой нибудь перемѣны въ ихъ религіозномъ строѣ, прибыль или убыль среди ихъ обществъ адептовъ и прозелитовъ той или другой вѣры; каково вліяніе ихъ на свою среду въ кругу единомысленниковъ, готовятъ-ли они новые запросы и недоумѣнія для постановки ихъ на очередь въ публичныхъ бесѣдахъ, или-же главари ихъ, побиваемые въ бесѣдахъ, чувствуютъ

свою несостоятельность, колеблются въ своихъ убѣжденіяхъ и сознавая свое безсиліе бороться однимъ и тѣмъ же оружіемъ — старинными книгами, потому только и сами не являются на бесѣды и своимъ послѣдователямъ возбраняють посѣщать ихъ, чтобы не впали, яко неопытные и не искушившіеся въ словѣ, въ прелесть Никоніанскую?.. С — въ заявилъ, что онъ поздно узналъ о бесѣдѣ и потому-де не готовился къ ней. Быть можетъ и такъ, хотя дальнѣйшая его бесѣда о преданіяхъ обличала его въ томъ, что вопросъ этотъ ему небезизвѣстенъ былъ. Но вѣроятно тоже самое отвѣчали бы и прочіе, что они де не знали и ихъ не приглашали, что невѣроятно; въ такомъ случаѣ къ чему же бы сводилась назначенная бесѣда? Съ кѣмъ тогда долженъ былъ миссіонеръ бесѣдовать и вести пренія? Съ православными, въ большинствѣ бывшими на бесѣдѣ. Дѣйствительно, публикація о бесѣдѣ была расклеена по городу 1 мая, за два дня до бесѣды, въ мѣстной газетѣ еще ранѣе было извѣщеніе, но для округа во всякомъ случаѣ объ этомъ оновѣщено было раньше. Чтобы отнять у совопросниковъ поводъ къ подобнымъ оправданіямъ, слѣдовало бы за недѣлю или двѣ разсылать эти извѣщенія при разнообразіи вопросовъ, предлагаемыхъ къ рѣшенію, миссіонеру было бы много легче разобраться во всемъ матеріалѣ словопреній и заблаговременно намѣтить программу бесѣдъ съ предоставленіемъ даже права на выборъ собесѣдникамъ, о чемъ они желаютъ бесѣдовать публично; это право выбора темы, какъ мы слышали, намѣренъ предложить старообрядцамъ и самъ миссіонеръ. Тогда, какъ намъ кажется, бесѣды будутъ еще интереснѣе, взаимныя возраженія вѣроятно не выйдутъ изъ круга намѣченной темы, самое разнообразіе вопросовъ въ области вѣры и преданій будутъ рассмотрѣны послѣдовательно, полно и всесторонне.

Въ заключеніе — нельзя не пожалѣть того обстоятельства, что у миссіонера нѣтъ помощника на бесѣдахъ. Извѣстно, что при всѣхъ миссіонерахъ таковыя есть, есть онъ и у о. Беллюсова, но почему онъ не принимаетъ участія въ этихъ бесѣдахъ? Вѣдь ему, какъ самому нѣкогда близко стоявшему къ расколу и даже принадлежавшему къ нему, не менѣе, если только практически не болѣе, извѣстны всѣ тезисы старообрядцевъ, на коихъ они искренно или притворно лѣзютъ свои заблужденія? Кромѣ того ему здѣсь представляется хорошая прав-

тическая школа къ логическому развитію всей темы намѣченной бесѣды, а къ этому мышленію и собесѣдованію онъ научно, теоретически не подготовленъ. Наконецъ, въ теченіи двухъ часовъ поддерживать свое и слушателей вниманіе, быть готовымъ на отовсюду сыплющіяся возраженія, часто неидуція къ дѣлу, съ явнымъ намѣреніемъ сбить противника съ направленной и точно опредѣленной колеи, положеніе во всякомъ случаѣ требующее такъ сказать воловьяго терпѣнія; а обмолвка въ словѣ, стремленіе къ тому, чтобы все время бесѣды держать ровный, спокойный тонъ рѣчи, не переходящій въ азартъ, къ чему такъ склонны старообрядцы, съ скрытнымъ желаніемъ „приколоть“ миссионера, какъ выразился С—въ на бесѣдѣ, все это, повторяемъ, дѣло не легкое, не мало волнующее кровь и во всякомъ случаѣ не благотворно дѣйствующее на здоровье...

Можетъ ли быть театръ нравственно-воспитательнымъ средствомъ для простаго народа?

Въ настоящее время обнаруживается весьма много стремленій къ упроченію народнаго благосостоянія и благополучія; заботится объ этомъ мудрая власть правительственная, современная періодическая литература, органы мѣстнаго самоуправленія и проч. и проч. Великое зло народное, искони разъѣдающее и подтачивающее здоровый и мощный организмъ русскаго человѣка — пьянство народное нашло для себя немало преграды въ учрежденіи правительственной винной монополіи; оно стихло и сократилось, насколько это было возможно. Но, говорятъ, старый питейный домъ былъ для народа мѣстомъ отдохновенія и развлеченія, гдѣ онъ проводилъ минуты свободы отъ своихъ тяжелыхъ трудовъ и заботъ, дѣлился съ ближними своими завѣтными думами и чувствами, словомъ — былъ для него своего рода клубомъ. Вы отняли это удовольствіе у народа; чѣмъ же вы замѣните его? Гдѣ взять народу болѣе разумныя и цѣлесообразныя развлеченія, среди которыхъ онъ могъ бы проводить время своего отдыха съ удовольствіемъ для себя и пользою? И вотъ многіе отвѣчаютъ на этотъ вопросъ, что такимъ полезнымъ и благимъ развле-

ченіемъ былъ-бы театръ народный и эту свою идею всѣми силами стремятся проводить въ жизнь.

Кстати сказать, въ настоящее время и вообще замѣчается сильное увлеченіе сценическими удовольствіями и театромъ. Нынѣ совершаются сѣзды сценическихъ дѣятелей со всей Россіи, чтобы дать болѣе или менѣе широкое и цѣлесообразное мѣсто этого рода развлеченіямъ. По Россіи то и дѣло совершаются различныя артистическія путешествія не только русскихъ, но и иностранныхъ театральныхъ знаменитостей. На упомянутыхъ артистическихъ сѣздахъ да и среди свѣтскаго общества и въ литературѣ раздаются голоса о полной свободѣ сценическихъ представленій *во всякое время года, даже въ посты церковные, не исключая и св. четырехдесятницы*, раздаются горькіе вопли и жалобы на несправедливость этого рода ограниченій. Среди свѣтскаго общества страсть къ сценическимъ представленіямъ достигла такихъ размѣровъ, что оно спѣшитъ отдаваться имъ въ самый ранній періодъ своей жизни, — въ театръ родители берутъ даже малыхъ дѣтей, почитая это удовольствіе для нихъ полезнымъ и разумнымъ, устраиваютъ нарочитые дѣтскіе спектакли, балы со спектаклями и проч. Только простой народъ до сихъ поръ чуждался этого рода развлеченій, считая ихъ по врожденному чувству цѣломудрія и скромности грѣховными, а самихъ жрецовъ театрального искусства — падшими въ нравственномъ отношеніи. Но вотъ, какъ мы сказали, въ настоящее время существуютъ уже стремленія привлечь и эту часть русскаго общества къ такого рода удовольствіямъ; люди, стремящіеся къ народному просвѣщенію хотятъ привить и простому народу свое увлеченіе сценой, тоже почитая это удовольствіе для него „разумнымъ и полезнымъ“. Въ виду этого, вопросъ о томъ, можетъ ли театръ имѣть полезное нравственно-воспитательное значеніе въ настоящее время далеко не праздный. Не разъ намъ пришлось бесѣдовать по этому вопросу; его поставляли намъ и лица, близко стоящія къ народу и просили нашего отвѣта. Цѣль настоящей замѣтки и заключается въ томъ, чтобы дать посильное рѣшеніе поставленнаго вопроса, пріобрѣтшаго особый современный интересъ и особое современное значеніе.

Прежде всего, какъ мы сказали, вопросъ о народныхъ театрахъ возбуждается въ связи съ вопросомъ о народной трезвости. Съ вве-

деніемъ винной монополіи, съ уничтоженіемъ кабака, говорятъ, нужно дать народу разумное и полезное развлеченіе, гдѣ бы вмѣсто прежняго питейнаго дома, проводилъ онъ минуты своего досуга. Выстѣ съ тѣмъ такое удовольствіе будетъ и удерживать его отъ пьянства. Можно ли, однако, согласиться съ этимъ? Нужно ли думать, что столь великій порокъ, какъ пьянство народное, уврачуется столь легкимъ и ненадежнымъ средствомъ, какъ дешевыя, даже подь часъ и невысокой нравственной пробы театральныя картины, растраивающія воображеніе и притупляющія совѣсть? Нѣтъ, невозможно, чтобы среди веселья и смѣха народъ сдѣлался трезвеннѣе и нравственнѣе. И опытъ, дѣйствительно, вполне подтверждаетъ это. Въ самомъ дѣлѣ, даже люди интеллигентные, имѣющіе гораздо болѣе развитый вкусъ, болѣе изощренное эстетическое чувство, предаваясь этому „высокому и благородному наслажденію“, обходятся-ли безъ другихъ возбуждающихъ веселье средствъ, каковы на примѣръ спиртные напитки? Не составляютъ-ли всевозможные буфеты непремѣнной принадлежности каждаго театра? А между тѣмъ люди, стремящіеся къ народному просвѣщенію, простой народъ, который, по ихъ сознанію, весьма грубъ и эстетически неразвитъ, этимъ средствомъ хотятъ привести къ трезвости, эстетическому развитію и нравственному просвѣщенію. Не есть ли это праздная мечта и утопія? Не будетъ ли такое „просвѣщеніе — роскоши прельщеніемъ“, отъ котораго давнымъ давно предостерегалъ насъ нашъ знаменитый народный поэтъ (Крыловъ)? Онъ же училъ насъ, что при заботѣ о просвѣщеніи „надобно гораздо разбирать“ средства къ достиженію этой высокой цѣли, чтобы вмѣсто пользы не принести вреда, вмѣсто просвѣщенія народа „не ослабить духъ его и не испортить нравы“.

Намъ скажутъ, что мы слишкомъ поспѣшны на заключенія, что мы беремъ во вниманіе одни только отрицательныя стороны театральныхъ удовольствій, обращаемъ вниманіе на сценическія картины, „растраивающія воображеніе и притупляющія совѣсть“. Но развѣ нѣтъ театральныхъ піесъ, которыя бы давали добрую пищу душѣ человѣческой, удовлетворяли бы высокимъ ея стремленіямъ къ истинѣ, добру и красотѣ и дѣйствовали бы нравственно воспитывающимъ образомъ на публику: развивали бы въ ней эстетическое чувство, сдирали бы кору грубости, облагораживали бы нравы и проч. и проч.

Взглянем на дѣло безпристрастно и посмотримъ, можетъ ли и въ такомъ случаѣ театръ воспитывать простой народъ, просвѣщать его умъ, облагораживать сердце и давать доброе направленіе воли.

Если бы мы прямо стали давать отвѣтъ на постановленный вопросъ отъ своего лица, можетъ быть, наши читатели заподозрили бы насъ, въ нѣкоторомъ пристрастіи, въ силу нашей принадлежности къ духовной школѣ. Поэтому, кажется, будетъ лучше, если мы обратимся къ авторитетнымъ свидѣтельствамъ *святскихъ* писателей и ученыхъ, которыхъ развѣ можно было бы заподозрить въ противоположномъ пристрастіи. Изъ такихъ лицъ особенно считаемъ нужнымъ остановить вниманіе на Шиллерѣ, великомъ германскомъ поэтѣ и драматургѣ, творцѣ такихъ великихъ созданій, какъ напримѣръ „Жанна д'Аркъ“. Онъ — поклонникъ театра и, конечно, мы не можемъ отказать ему въ компетентности его сужденій по данному вопросу. Возрѣнія его касательно дѣйствія вообще изящныхъ произведеній на душу человѣческую, слѣдовательно и театральныхъ представлений въ частности, выражены въ его сочиненіи „О необходимыхъ границахъ при употребленіи прекрасныхъ формъ“. Возрѣнія эти могутъ быть сведены къ слѣдующему. Для правильнаго образованія чловѣка требуется гармоническое развитіе въ немъ всѣхъ духовныхъ силъ: ума, воли и сердца. Какъ музыкальный инструментъ только тогда издаетъ пріятныя аккорды, когда въ немъ гармонически правильно настроены всѣ струны, такъ и душа человѣческая только будетъ стройно совершать свою дѣятельность, когда каждая ея способность будетъ дѣйствовать, во всю силу и въ согласіи съ другими. Эстетическое наслажденіе обнаруживаетъ свое дѣйствіе на одну только силу души на чувство и воображеніе. Поэтому, если дать этому удовольствію преобладающее значеніе въ душевной жизни чловѣка, то оно затмитъ собою другія важнѣйшія силы и способности души, способности ума и воли, такъ что, оставаясь въ бездѣйствіи и празности, они постепенно тупѣли бы, теряли бы живость и легкость къ свойственной имъ дѣятельности. Отсюда происходила бы лѣнь, апатія къ серьезнымъ занятіямъ, и наоборотъ пристрастіе къ удовольствіямъ и празности. Чтобы не быть голословными, обратимся къ автору. „Для убѣжденія ума, пишетъ онъ въ упомянутомъ произведеніи, красота оболочки можетъ послужить столь-же мало, какъ

изящная сервировка для насыщѣнія гостей. Чистое *научное* изложѣніе дѣлаетъ насъ обладателями познанія; прекрасное-же выраженіе снабжаетъ насъ имъ только на временную пользу и употребленіе. Первое, — если мнѣ позволять сравненіе, дастъ намъ *дерево вмѣстѣ съ корнями*, но, конечно, мы должны имѣть терпѣніе ожидать, пока оно зацвѣтетъ и принесетъ плоды; прекрасное выраженіе срываетъ намъ съ него только цвѣты и плоды, но дерево, которое ихъ носило, не принадлежитъ намъ, и когда они завянутъ и мы ими насладились, исчезнетъ съ ними наше богатство... Духъ долженъ быть приведенъ въ напряженіе уже формою изложѣнія и съ нѣкоторымъ усиліемъ возбужденъ къ дѣятельности... Гдѣ содержаніе должно примѣняться къ формѣ, тамъ нѣтъ содержанія, и *вмѣсто того, чтобы увеличить свое знаніе, мы ведемъ только забавляющую насъ игру. Отсюда ведетъ начало духъ поверхности и легкости*, господствующій часто въ такихъ состояніяхъ и обществахъ, которыя въ другихъ отношеніяхъ не безъ основанія славятся своею утонченностію. *Молодому человѣку было бы неизбѣжно пагубно, если бы его вели въ область граціи прежде, чѣмъ музы признали бы его совершеннѣйшимъ; это непременно сдѣлаетъ его пустымъ*“.

Къ этой категоріи „молодого человѣка“, безспорно, можетъ и долженъ быть отнесенъ нашъ простой народъ, котораго музы, т. е. науки не только никогда не признавали совершеннѣйшимъ, но часто даже еще и совершенно не касались. Не ясно ли отсюда, какой великой опасности подвергаютъ его стремящіеся подъ предлогомъ просвѣщенія навязать ему сценическія удовольствія; это, скажемъ словами Шиллера, несомнѣнно сдѣлаетъ его пустымъ и празднымъ.

Еще большая опасность, говоритъ Шиллеръ, отъ увлеченія красивою формою изящныхъ произведеній для нравственности. „Беллетристическій произволъ есть зло, которое затемняетъ разсудокъ; но тотъ-же произволъ, направленный на нравственные правила воли, *непрерывно долженъ портить сердце*... И къ этой опасной крайности склоняетъ человѣка эстетическая утонченность, коль скоро онъ исключительно вѣряется чувству красоты и дѣлаетъ его неограниченнымъ законодателемъ своей воли. Грубъ, свирѣпъ, жестокъ и ужасенъ въ своихъ дѣйствіяхъ дикій человѣкъ, когда управляютъ имъ слѣпыя животныя силы. Онъ иногда является разъяреннымъ живот-

нымъ въ отношеніи къ другимъ, ибо надъ нимъ, какъ надъ животнымъ, господствуютъ естественныя влеченія. Но человѣкъ съ утонченнымъ вкусомъ способенъ къ такой нравственной порчѣ, отъ которой грубый сынъ природы огражденъ именно своею грубостью. Когда послѣдняго возбуждаетъ преобладающая чувственность къ неправому дѣйствию, то онъ хотя можетъ подпасть искушенію, но не скрываетъ отъ себя, что онъ грѣшитъ; развитой питомецъ искусства, напротивъ, не хочетъ признать того, что онъ подаетъ и охотно обманываетъ свою совѣсть, чтобы ее успокоить“.

Итакъ, если въ человѣкѣ умственно и нравственно развитомъ возбужденіе чувственности далеко не всегда желательно и безопасно для нормальнаго теченія его внутренней жизни, то что сказать въ отношеніи простолюдина? Несомнѣнно, что при недостаткѣ умственнаго и нравственнаго развитія увлеченіе эстетическими удовольствіями будетъ опаснымъ и вреднымъ для его ума и нравственности и приведетъ его къ извѣженности и нравственной распущенности.

Тоже самое говоритъ другой знаменитый писатель-педагогъ Ж. Ж. Руссо. По его словамъ (въ письмѣ къ философу Даламберу по вопросу объ устройствѣ театра въ Женевѣ) театръ приводитъ въ движеніе человѣческія страсти, не утишая ихъ; очищаетъ тѣ страсти, которыхъ у человѣка нѣтъ, а съ другой стороны воспламеняетъ и питаетъ тѣ, которыя у него есть; возбуждаетъ въ сердцѣ народа, особенно молодежи, побужденія и пожеланія, которыя несомнѣстимы съ нравственностію. Театръ содѣйствуетъ извѣженности и поощряетъ погоню за наслажденіями; онъ даетъ людямъ поводъ смѣшивать мимолетныя ощущенія, причиняемыя театральнымъ представленіемъ, съ нравственными началами и дѣйствіями. Театръ есть учрежденіе не для серьезныхъ людей, а только празднолюбцевъ, которые тутъ находятъ себѣ мѣсто убѣжища, гдѣ они забываютъ и себя и свои обязанности и гдѣ могутъ только убивать время“.

Докторъ медицины и словесныхъ наукъ въ Парижской академіи Дескюре признаетъ вредными театральныя зрѣлища и находитъ, что онѣ „способствуютъ развитію эротическихъ страстей. Сцена, первоначально учрежденная для забавы и нравственнаго улучшенія массъ, часто ихъ забавляетъ теперь только для того, чтобы лучше развратить грязными и отвратительными картинами, которыя любятъ пред-

ставлять она. Физиологическій фактъ, который часто упускають изъ виду, состоитъ въ томъ, что человекъ существенно рождается подражателемъ. Представляйте ему нравственные примѣры, дайте полезныя наставленія, онъ проникнется ими и будетъ расположенъ слѣдовать имъ. Но если, злоупотребляя талантомъ, вы будете изображать добродѣтель смѣшною, а порокъ любезнымъ (а это бываетъ въ театрахъ), онъ съ улыбкою обратится къ пороку и отвернется отъ добродѣтели. Въ прежнее время театръ могъ по крайней мѣрѣ способствовать образованію вкуса, въ наши дни большая часть пьесъ способна къ тому только, чтобы заставить утратить и вкусъ и добрые нравы“ („Медицина страстей“).

Нечего и говорить, что духовные писатели и апологеты христіанства въ своихъ произведеніяхъ далеко не сочувствуютъ сценическимъ удовольствіямъ. Извѣстный составитель системы „Христіанскаго ученія о нравственности“ датскій епископъ Мартенсенъ пишетъ: „театральныя наслажденія, когда они становятся излюбленнымъ средствомъ времяпрепровожденія, привычкой и необходимостью, служатъ вообще признакомъ духовной легкости. Тѣ, которые часто посѣщаютъ театры, принимаютъ во вниманіе того, что вмѣстѣ со временемъ они убиваютъ самихъ себя, свою собственную умственную жизнь, убиваютъ этими вѣчно измѣнчивыми зрѣлищами, которыя не даютъ настоящаго питанія душѣ. И чѣмъ болѣе душа наполняется этими пустыми зрѣлищами, тѣмъ она становится болѣе пустою и лѣнливою, болѣе теряетъ въ себѣ жизненности, умственныхъ силъ и плодотворныхъ зародышей, которые гибнуть отъ столь опустошительнаго потока“. Въ другомъ мѣстѣ тотъ же авторъ замѣчаетъ: „театральныя зрѣлища — это пѣснь сирены, которая переноситъ насъ въ чарующую область мечтаній; это есть майя, предательская волшебница, которая обольщаетъ насъ своей стороною, и когда мы пробуждаемся отъ внѣшнихъ сценическихъ иллюзій, то бѣдная и сѣрая наша обстановка кажется намъ тѣмъ болѣе нецрїятной, чѣмъ обольстительнѣе была обстановка театральная“... Здѣсь невольно приходятъ на память слова о театрѣ великаго учителя вѣры и нравственности христіанской, святаго Іоанна Златоустаго, сказанныя имъ въ знаменитомъ словѣ противъ ушедшихъ въ Великій пятокъ вмѣсто храма Божія въ театръ: „не отсюда-ли, т. е. отъ театральныхъ зрѣлищъ, брани и ссоры, не отсюда-ли без-

смысленныя непріятности? ибо когда ты приходишь домой изъ театра, то жена твоя кажется тебѣ не такою пріятною и дѣти несносными, домъ отвратительнымъ и заботы по дому безпокойными“.

Люгардъ, ординарный профессоръ Лейпцигскаго университета, въ своей „Апологии христіанства“ говоритъ о театрѣ слѣдующее: „какія дурныя послѣдствія имѣла свобода театра — это общеизвѣстный фактъ. Жалкій оптимизмъ предвидѣлъ отъ этого необычайный подъемъ искусства. Между тѣмъ, дѣйствительнымъ слѣдствіемъ этого, какъ и могъ предвидѣть всякій знающій челоѵческую натуру съ ея дѣйствительной стороны, оказалось, что искусство низведено на уровень зауряднаго паясничнаго шарлатанства. Отъ негодныхъ или по меньшей мѣрѣ пошлыхъ мелкихъ театровъ сталъ изливаться цѣлый потокъ пошлости и безнравственности на весь народъ. Пресловутые „варьете“ и „ренессансы“, на нравственный характеръ которыхъ давно бы слѣдовало обратить вниманіе полиціи, составляютъ вопіющій позоръ нашей національной жизни“ (стр. 592).

Таковы мнѣнія людей вполне компетентныхъ о воспитательномъ значеніи театра. Обратимся теперь къ дѣйствительной жизни; не найдемъ-ли и здѣсь полнаго подтвержденія приведеннымъ мнѣніямъ? Въ самомъ дѣлѣ, не вправѣ-ли мы ожидать, что то воспитывающее вліяніе, которое приписываютъ театру защитники сценическихъ удовольствій, прежде всего должно было бы сказаться, повидимому, на самихъ жрецахъ театральнаго искусства. Они вѣдь посвящаютъ этому искусству цѣлыя десятки лѣтъ и имѣютъ поэтому вполне достаточно времени, чтобы проникнуться его исправительными задачами. То правда, что и среди артистовъ найдутся люди высокой чести и доброй нравственности, но опытъ свидѣтельствуетъ, народная молва гласитъ, что такіе люди въ мірѣ жрецовъ сценическаго искусства — очень счастливое и рѣдкое исключеніе. Мы знаемъ, что большею частію театръ осмѣиваетъ недостатки бытовой, главнымъ образомъ, семейной жизни: невѣрность мужей, измѣну женъ, легкомысліе дѣвицъ, непочтительность сыновей и пороки въ родѣ такихъ: лицемѣріе, челоѵкоугодничество, высокомеріе, чревоугодіе. Естественно было бы ожидать, что недостатки эти будутъ менѣе всего присущи представителямъ театральнаго міра. Вѣдь дѣло воспитанія необходимо требуетъ, чтобы тѣ добрыя качества, какія хочетъ привить воспитывающій

воспитываемому, прежде всего привились къ нему самому. Педагогика говоритъ: чего не имѣешь въ себѣ, того не передашь другому. Плохое учительство, если самая жизнь наша опровергаетъ наше учение. На самоѣ дѣлѣ что же мы видимъ? Видимъ какъ разъ противное тому, чего желательно было бы видѣть въ представителяхъ сценическаго искусства. Тѣ самыя недостатки, противъ которыхъ они ратуютъ и вооружаются на сценѣ, едва-ли не въ большей степени присуши имъ самимъ. Гдѣ болѣе всего встрѣчаемъ распатанность семейныхъ узъ, невѣрность мужей, измѣну женъ, распущенность среди дѣвицъ, всеобщее увлеченіе чувственными удовольствіями до самозабвенія, слабохарактерность, неспособность къ терпѣливому труду, невоздержность и раздражительность, злобу и мщеніе, доходящія до дуэлей, самоубійствъ и т. п., какъ не среди самихъ же жрецовъ театральнаго искусства, воспитанныхъ на эстетическихъ наслажденіяхъ? Едва ли это кто либо будетъ отрицать. Намъ приходилось бесѣдовать съ одной бывшей артисткой, которая изъ-за того отказалась отъ сцены, что для нея слишкомъ непріятна была эта жизненная театральная атмосфера. Она безъ сердечнаго содраганія не могла вспомнить объ этомъ и говорила, что ни за какія блага міра не позволитъ своимъ дѣтямъ идти на сцену. Она говорила также, что ей даже никто повѣрить не могъ изъ бывшихъ ея товарищей и знакомыхъ по сценѣ, чтобы у нея была правильная семейная жизнь, какова у нея была въ дѣйствительности. Столь рѣдкое исключеніе представляетъ она среди служителей сцены!

Итакъ, древнее изреченіе поэта, что театръ „*rigendo castigat mores*“, которое наши древніе драматурги переводили словами „издѣвкой (т. е. издѣвательствомъ) править (исправляетъ) нравъ“, потеряло въ значительной степени свой смыслъ и значеніе. Опытъ дѣйствительной жизни показываетъ, что нельзя выставленіемъ уродства возсоздать чистый возвышенный идеаль. По счастливому сравненію раскрытіе житейскихъ язвъ и нравственныхъ недуговъ напоминаетъ выставленіе уродовъ и калекъ на многолюдныхъ мѣстахъ, чтобы проходящіе, сжалившись ихъ видомъ, благодворили имъ. Проходящіе сначала толпятся около этихъ несчастныхъ и ужасаются ихъ видомъ. Но это мимолетное впечатлѣніе! Проходя около нихъ другой и третій разъ, толпа мало по малу привыкаетъ къ этимъ зрѣлищамъ,

такъ что наконецъ уже не трогается ими и остается совершенно равнодушною при видѣ ихъ. Не то ли же самое и въ театрѣ. При видѣ жизненныхъ драмъ на сценѣ публика сначала ужасается ихъ; потомъ мало по малу частое повтореніе нравственныхъ уродствъ и безобразій пріучаетъ къ себѣ глазъ зрителя; послѣдній мало по малу свыкается съ ними и какъ бы примирается, какъ съ чѣмъ то естественнымъ и неизбѣжнымъ. Такимъ образомъ, наглядное изображеніе нравственныхъ язвъ далеко еще не въ состояніи излѣчить ихъ, рельефное изображеніе уродства не произведетъ красоты, а потому и театръ самъ собою не исправитъ нашей нравственности; онъ только можетъ познакомить насъ съ новыми пороками и во всякомъ случаѣ безсиленъ подѣйствовать на сокровенные тайники нашей души, — дать доброе направленіе нашей воли. Въ своемъ сочиненіи „О сценѣ“ Шиллеръ замѣчаетъ: „Арпагонъ Мольера, вѣроятно, еще не исправилъ ни одного ростовщика; самоубійца Беверлей еще немногихъ изъ своихъ братьевъ избавилъ отъ отвратительной страсти къ азартной игрѣ; несчастная разбойническая исторія Карла Моора, быть можетъ, не сдѣлаетъ большихъ дорогъ болѣе безопасными“.

Такъ безсиленъ театръ въ воспитательномъ отношеніи даже при идеальной своей постановкѣ, т. е. въ томъ случаѣ, когда самъ онъ и вся обстановка въ немъ будутъ исполнены нравственно-воспитательнаго духа. Что сказать о дѣйствительномъ современномъ театрѣ? Насколько близокъ онъ къ этой своей идеѣ и своему назначенію? Но цуетъ лучше опять говорить за насъ компетентные судьи — представители и критики свѣтской періодической печати. Вотъ какія поучительныя въ этомъ отношеніи строки читаемъ мы въ газетахъ „Южный Край“ и „Московскія Вѣдомости“: „Было-бы крайне наивно думать, что современный театръ способенъ поднять нравственный уровень зрителей. Если когда-нибудь онъ и задавался этою цѣлю, то и авторы и актеры уже давно перестали преслѣдовать эту цѣль, да и сама публика не того требуетъ отъ авторовъ драматическихъ произведеній и ихъ исполнителей. Въ громадномъ большинствѣ пьесъ современнаго репертуара зачастую нѣтъ ни одного персонажа, который своею порядочностію, скажемъ болѣе, — идеализмомъ освѣжалъ бы ту затхлую, удушливую атмосферу обыденной грязи и пошлости, которую выводятъ на подмостки авторы и изображаютъ актеры. Авторы оправдываются тѣмъ, что имъ совре-

менная дѣйствительность не даетъ положительныхъ типовъ, что она — эта дѣйствительность — пошла и безыдеальна, а выдумывать они и они не могутъ, и не хотятъ. Актеры, эти послушные исполнители воли авторовъ, стараются достигнуть наибольшаго реализма въ изображеніи героевъ пьесы и нисколько не задумываются надъ тѣмъ, какую пользу или какой вредъ принесетъ обществу исполняемое ими произведеніе“.

„Не только русская сцена, но любая европейская, въ большей мѣрѣ вліяютъ на пониженіе эстетическаго чутья и вкуса публики, нежели служатъ къ его возвышенію и совершенствованію. Обычный репертуаръ „интеллигентнаго театра“ чрезвычайно баналенъ, жидокъ по количеству обращающихся въ немъ сюжетовъ, ничтоженъ по художественнымъ достоинствамъ и во многихъ случаяхъ недоброкачествененъ въ идейномъ и нравственномъ отношеніяхъ. Эти печальныя свойства нынѣшняго „культурнаго театра“ непременно будутъ оказывать сильное и, конечно, нежелательное вліяніе на театръ народный. Въдѣ на сцену народнаго театра непременно станутъ перекачываться „культурной сцены“ тѣ или другія пьесы. Актеры, подвизающіеся на сценѣ народнаго театра, неминуемо перенесутъ на нее приемы и навыки, добытые ими на культурной сценѣ“.

„Не думаемъ, чтобы театръ удержалъ кого-нибудь и отъ пьянства. При каждомъ изъ городскихъ театровъ существуютъ буфеты и они бойко торгуютъ въ продолженіи всего вечера, когда идетъ спектакль. Мы не знакомы съ какими-либо выводами статистики относительно употребленія спиртныхъ напитковъ лицами разныхъ профессій, но врядъ ли ошибемся, если скажемъ, что среди актеровъ — людей пьющихъ не менѣе, чѣмъ среди представителей прочихъ профессій“.

„Итакъ, что же получить крестьянинъ отъ спектаклей, устраиваемыхъ для него досужими людьми? Будетъ ли достигнута та цѣль отрезвленія нашего народа, которую преслѣдуютъ попечительства о народной трезвости? Не думаемъ“... „Всѣ сценическія развлеченія не прекратятъ въ народѣ пьянства и не оставятъ въ душѣ его ничего, кромѣ пустоты и разсѣянности, можно думать, что послѣ такихъ развлеченій народъ опять будетъ толпиться у винныхъ лавокъ и трактировъ, или собираться въ особня мѣста, гдѣ винопитіе сопровождается картежною игрою и разными увеселеніями грубаго характера.

Если театры и спектакли не возвышают нравственности въ городахъ, гдѣ она стоитъ, по статистическимъ выводамъ, гораздо ниже, чѣмъ въ селахъ и деревняхъ, то чего добраго ожидать отъ нихъ, когда они будутъ распространяться въ средѣ бѣднаго, необразованнаго народа, гдѣ не можетъ быть ни искусныхъ актеровъ, ни эстетической обстановки, ни благоразумныхъ антрепренеровъ? Народъ не дѣти, чтобы развлекать его тѣми или другими увеселительными мѣрами“.

Послушаемъ сужденій о театральномъ искусствѣ еще одного корифея искусства, какимъ признаютъ безспорно графа Л. Н. Толстаго. Въ своемъ недавнемъ сочиненіи „Что такое искусство?“ графъ, между прочимъ, пишетъ слѣдующее: „Чѣмъ опредѣляется хорошее и дурное по содержанію искусство?—Искусство должно быть раздѣливаемо на основаніи *религіознаго сознанія*. Точно такъ, какъ и всегда, должно быть выдѣлено изъ всего безразличнаго искусства, сознано, высоко цѣнимо и поощряемо искусство, передающее чувства, *вытекающія изъ религіознаго сознанія*... и осуждаемо, и презираемо искусство, противное этому сознанію, и не выдѣляемо и не поощряемо все остальное безразличное искусство“...

„Главная ошибка, которую сдѣлали люди высшихъ классовъ... состоитъ въ томъ, что на мѣсто религіознаго искусства они ставятъ *искусство ничтожное, имѣющее цѣль только наслажденіе людей*“. Описывая свое посѣщеніе московскаго театра, гдѣ давалась тогда опера Вагнера „Кольцо Нибеллунговъ“, графъ такъ передаетъ свои впечатлѣнія. „Произведеніе это, пишетъ графъ, получило въ настоящее время такое огромное значеніе, имѣетъ такое вліяніе на все то, что выдается за искусство, что необходимо всякому человѣку нашего времени имѣть понятіе о немъ. Я внимательно прочелъ четыре книжечки, въ которыхъ напечатано это произведеніе. *Произведеніе это есть образецъ самой грубой, доходящей даже до смѣшнаго, поддѣлки подъ поэзію*“. Еще хуже то впечатлѣніе, какое вынесъ графъ изъ театра при его представленіи. Онъ говоритъ, что въ состояніи былъ прослушать только двѣ сцены; „*больше уже не могу выдерживать и выбѣжалъ изъ театра съ чувствомъ отвращенія, которое и теперь не могу забыть*“.

„Слушая эту оперу, продолжаетъ графъ, я невольно представилъ себѣ почтеннаго, грамотнаго деревенскаго рабочаго человѣка, преиму-

щественно изъ тѣхъ умныхъ, истинно религіозныхъ людей, которыхъ я знаю изъ народа, и воображалъ себѣ то ужасное недоумѣніе, въ которое пришелъ бы такой человѣкъ, если бы ему показали то, что я видѣлъ въ этотъ вечеръ. Что бы онъ подумалъ, если бы узналъ все тѣ труды, которые положены на это представленіе и видѣлъ бы ту публику, тѣхъ сильныхъ міра сего, которыхъ онъ привыкъ уважать, старыхъ, плѣшивыхъ, съ сѣдыми бородами людей, которые битыхъ шесть часовъ сидятъ молча, внимательно слушая и глядя на все эти глупости. Но, не говори о взросломъ, рабочемъ человѣкѣ, трудно себѣ и представить даже ребенка старше семи лѣтъ, который могъ бы заняться этой глупой нескладной сказкой“.

„А между тѣмъ громадная публика, цвѣтъ образованныхъ людей высшихъ классовъ, высиживаетъ эти шесть часовъ безумнаго представленія и уходитъ, воображая, что, отдавъ дань этой глупости, она приобрѣла новое право на признаніе себя передовой и просвѣщенной“.

Таковы сужденія о воспитательномъ значеніи театра людей вполне компетентныхъ, съ которыми не согласиться нельзя. Взглядъ этотъ, очевидно, раздѣляется и не одними только частными людьми, но и цѣлыми государствами. Въ самомъ дѣлѣ, на чемъ же, какъ не на этомъ взглядѣ основывается запрещеніе театральныхъ представлений образованными христіанскими правительствами во дни праздничные и постовые. Запрещенія эти существуютъ, на примѣръ, въ Англіи; есть даже они въ либеральной Америкѣ. Западная Европа въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей науки такъ опредѣлила нравственное значеніе сценическихъ представлений: „хотя на эти утѣхи и забавы нѣтъ прямого запрещенія въ словѣ Божіемъ, но для христіанъ, стремящихся къ нравственному совершенству, и особенно для того, кто желаетъ распространять свѣтъ Христовъ и учить другихъ примѣромъ собственной жизни, онѣ сколько опасны, столько же и неприличны; онѣ очень много препятствуютъ сохраненію совѣсти въ чистотѣ, благоговѣйному умиленію и молитвенному настроенію. Онѣ суть недостатки христіанской жизни, и каждый христіанинъ лучше сдѣлаетъ, если совсѣмъ воздержится отъ нихъ“ (Шмидтъ. „Исторія піетизма“). На этомъ взглядѣ зиждется запрещеніе со стороны многихъ заботливыхъ и разумныхъ педагоговъ своимъ воспитанникамъ посѣщенія театровъ.

Обобщая все, доселѣ сказанное, мы не можемъ, конечно, согласиться съ мнѣніемъ тѣхъ, которые думаютъ, что театръ будетъ наилучшей народной школой, которая воспитаетъ его вкусъ, облагородитъ сердце и отвратитъ отъ грубыхъ развлеченій, что театръ въ нѣкоторыхъ случаяхъ можетъ замѣнить собою церковь. Даже и въ лучшемъ своемъ состояніи театръ не всегда и не безусловно можетъ имѣть нравственно воспитывающее вліяніе на окружающую среду, а для простаго, необразованнаго народа онъ былъ бы несомнѣнно гораздо скорѣе вреденъ, чѣмъ полезенъ, какъ то вполне убѣдительно доказываетъ Шиллеръ. Простой народъ во всей театральной обстановкѣ по своей неразвитости не видѣлъ бы ничего другаго, кромѣ чувственнаго удовольствія и наслажденія, а это пріучало бы его къ распущенности и лѣности, къ которой и такъ нашъ простолюдинъ весьма склоненъ по своей природѣ. „Прежде чѣмъ музы не признаютъ его совершеннолѣтнимъ, пагубно было бы вводить его въ область граціи“. Сначала нужно умственно и нравственно просвѣтить народъ, потомъ уже заботиться объ его эстетическомъ развитіи. Въ этомъ умственномъ и нравственномъ просвѣщеніи дѣйствительно онъ давно уже нуждается; большая часть его до сихъ поръ еще и неграмотна. Вотъ объ этомъ-то прежде всего и слѣдуетъ позаботиться людямъ, стремящимся къ народному просвѣщенію!

М. Е. В.

Судьба перваго лжеепископа старообрядческаго съ титуломъ «Тобольскаго и всея Сибири».

Многочисленнымъ сибирскимъ раскольникамъ не безынтересно, вѣроятно, узнать слѣдующія свѣдѣнія о паденіи Савватія, бывшаго „епископа Тобольскаго и всея Сибири“. Это тотъ самый Савватій, который, тщетно отыскиваемый полиціей и не разъ ускользавшій отъ нея, былъ, наконецъ, пойманъ въ Томской губерніи, этапнымъ порядкомъ препровожденъ на родину въ Европейскую Россію и, въ концѣ концовъ, попалъ въ среду богатыхъ московскихъ старообрядцевъ, среди которыхъ и священнодѣйствовалъ до самаго послѣдняго времени съ громкимъ титуломъ „архіепископа“.

Въ силу какихъ-то причинъ „дѣдушка Савватій“ не ко двору пришелся московскимъ старообрядцамъ, которые какъ-то разомъ за-

говорили, что будетъ ему сидѣть въ архіепископахъ первопрестольнаго града Москвы, пора ему на покой, а на его мѣсто давнымъ давно пора избрать новое лицо, которое по своему развитію и начитанности соотвѣтствовало бы требованіямъ настоящаго времени. Избрали депутацію и послали ее къ „дѣдушкѣ“ съ просьбою удалиться „честью“. Сообщение это старику показалось горше пощипки, онъ изволновался, раскипятился, почувствовалъ себя обиженнымъ до крайности и не далъ никакого отвѣта депутаціи, обѣщавъ подумать.

Между тѣмъ московскіе старообрядцы совѣмъ не намѣрены были откладывать дѣло въ дальній ящикъ. Выслушавъ заявленіе депутаціи, что Савватій совѣмъ не намѣренъ такъ легко разстаться съ своей архіепископіей, насомые рѣшили побудить его къ тому силою, тѣмъ болѣе, что они имѣли и основанія къ этому. У „дѣдушки Савватія“, оказалось, были такіе случаи, которые дали поводъ недружелюбно относиться къ нему строгимъ ревнителямъ древняго благочестія. Будучи еще владыкою всея Сибири, Савватій какъ-то былъ пойманъ полиціею, арестованъ и призванъ къ допросу о своемъ званіи и занятіяхъ. На этомъ допросѣ древле-православный владыка — увъ! — отказался отъ своего архіерейства. Савватія стали уличать, что онъ, по рассказамъ старообрядцевъ, архіерей, но онъ забоялся, заклился, что это ошибка со стороны полиціи, что онъ простой старообрядецъ, и когда ему не повѣрили, онъ выдалъ въ этомъ подписку. Тоже повторилось съ нимъ и въ Москвѣ, гдѣ онъ также выдалъ подписку, вторую по счету, въ томъ, что отнынѣ онъ не будетъ именоваться архіепископомъ московскимъ. Это самое и вспомнили московскіе старообрядцы и рѣшили сіе поставить ему въ обвиненіе, подкрѣпивъ его ссылкой на каноническія правила, которыми воспрещается клирику или епископу, отрекшемуся отъ своего сана, священнодѣйствовать потомъ. Тотчасъ же былъ собранъ старообрядческій „соборъ“, Савватію было предложено оставить кафедру, и временное управленіе послѣднею поручено небезызвѣстному въ Сибири и на Уралѣ Онисиму Швецову, именующему себя Арсеніемъ, епископомъ уральскимъ.

Говорятъ, что большое желаніе занять архіепископскую кафедру обнаружилъ Антоній, епископъ тожскій, но его желаніе и осталось желаніемъ.

Такъ палъ Савватій, учредитель сибирской старообрядческой епископской кафедры и первый ея замѣститель.

Архіепископъ Савватій — величина слишкомъ замѣтная въ сибирскомъ старообрядческомъ мѣрѣ, почему мы считаемъ не лишнимъ сообщить нѣсколько краткихъ биографическихъ данныхъ о немъ, пользуясь брошюрою проф. Д. Бѣликова „Старообрядческой расколъ въ Томской губерніи“.

Савватій или, попросту, Стенанъ Васильевъ Левшинъ, происходилъ изъ крѣпостныхъ крестьянъ г.г. Демидовыхъ. Еще въ 50-хъ годахъ онъ удалился въ одинъ изъ погаенныхъ раскольниковыхъ скитовъ на Уралѣ. Здѣсь постригся въ иночество и вскорѣ затѣмъ былъ посвященъ въ санъ іеромонаха. Въ званіи іеромонаха Савватія отравили священнодѣйствовать для раскольниковъ-поповцевъ Тюменскаго и друг. округовъ Тобольской губерніи. Везостановочно объѣзжая свой волосальско-огромный приходъ, Савватій имѣлъ достаточно времени и опыта, чтобы съ должной основательностію ознакомиться съ характеромъ, бытомъ и нуждами сибирскихъ раскольниковъ и сумѣлъ всецѣло расположить ихъ въ свою пользу. Онъ постоянно указывалъ московскому духовному собору на неотложную необходимость учрежденія въ Сибири особой епископской кафедры; онъ же во-время успѣлъ прибыть въ Москву, когда узналъ, что вопросъ исполнѣ назрѣлъ для рѣшенія въ положительномъ смыслѣ. Въ 1862 г. совѣтъ постановилъ: выдѣливъ Сибирь въ особую епархію, поставить для нея епископомъ іеромонаха Савватія, съ присвоеніемъ ему титула „епископа Тобольскаго и всея Сибири“.

Хиротонія была совершена торжественно цѣлымъ сонмомъ старообрядческихъ лжеіерарховъ: Пафнутіемъ казанскимъ, Аванасіемъ саратовскимъ, Онуфріемъ, намѣстникомъ бѣлокриницкой митрополіи, Софроніемъ симбирскимъ и Виталіемъ уральскимъ. Всѣ эти главные величины раскола подписали ставленную грамоту Савватію и пастырское отъ „освященнаго собора“ посланіе всѣмъ православнымъ христіанамъ въ Сибири, т. е. обитающимъ въ Сибири старообрядцамъ. Въ грамотѣ и посланіи говорилось, что Савватію ввѣряется управленіе всѣми сибирскими старообрядцами, которые отсель обязываются къ безпрекословному повиновенію ему. Резиденціей новопоставленнаго лжеепископа была назначена Тюмень, но онъ не долженъ былъ оставаться на мѣстѣ, но обязывался къ неустаннымъ разъѣздамъ по сибирскимъ городамъ и селеніямъ для служенія среди пасомыхъ и духовнаго надзора надъ ними. Тюменскіе старообрядцы съ распростертыми объятіями встрѣтили присланнаго къ нимъ перваго архіерея, хорошо известнаго имъ Савватія. На первыхъ же порахъ лжеархіерейской дѣятельности Савватія ему удалось увеличить количество

пасомыхъ присоединеніемъ нѣсколькихъ сотъ раскольниковъ, прежде принадлежавшихъ къ бѣглопоповщинѣ. Но не долго пришлось Савватію архіерействовать въ Сибири. Въ началѣ 70-хъ годовъ онъ былъ арестованъ въ г. Кузнецкѣ, Томской губ., и, какъ было выше сказано, этапнымъ порядкомъ препровожденъ въ Европейскую Россію, гдѣ скоро занялъ почетное мѣсто московскаго архіепископа, съ каковаго мѣста нынѣ удаленъ съ такимъ позоромъ.

Преемникомъ Савватія по званію и титулу епископа всея Сибири былъ Меодій (Михаилъ Якимовъ), по приговору Томскаго губернскаго суда, утвержденному сенатомъ, за распространеніе раскола лишенный всѣхъ правъ состоянія и сосланный на поселеніе въ отдаленнѣйшія мѣста Сибири... *Сид. В.*

Его Преосвященство, Преосвященный Антоній, епископъ Тобольскій и Сибирскій, выехалъ 14 іюня въ 4 ч. дня для обозрѣнія Тюменскаго, Ялуторовскаго и Курганскаго округовъ епархіи.

Приговоръ Киргинцево-Лышакоевскаго сельскаго схода 1897 года мая 25 дня. Мы нижеподписавшіеся государственные крестьяне Тобольской губерніи Ишимскаго округа Аромашевской волости Киргинцево-Лышакоевскаго сельскаго общества, состоящаго изъ 136 ревизскихъ душъ, 62 дворовъ, 49 лицъ, имѣющихъ право голоса на сельскомъ сходѣ, сего числа собрались на сельскій сходъ по распоряженію нашего сельскаго старосты Киргинцева, на который и явились въ числѣ 35 человекъ, что составляетъ болѣе $\frac{2}{3}$ домохозяевъ, гдѣ, между прочимъ, по предложенію мѣстнаго священника разсуждали объ уничтоженіи пьянства въ связи нашъ праздникъ — въ день святаго пророка Предтечи Господня Іоанна — 24 іюня, и постановили: пьянства никакого не дѣлать обѣднымъ съ богатыми, такъ какъ всѣ мы сознаемъ, что это для насъ вредно во всѣхъ отношеніяхъ, а потому постановили въ день св. пророка Предтечи Господня Іоанна — въ 24 іюня и въ слѣдующіе за тѣмъ дни водки для угощенія прѣзжающихъ къ намъ гостей никому не покупать и никого ею не угощать; если же кто учинитъ пьянство съ того взыскивать 1 р. въ пользу нашей часовни. Существующій же у насъ обычай служить въ часовнѣ молебень св. Предтечѣ пророку Іоанну оставляемъ въ его прежней силѣ, въ чемъ, постановили приговоръ.

О В Ъ Я В Л Е Н И Е

СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ

ВЪ

СТРАХОВОМЪ ОБЩЕСТВѢ

„РОССІЯ“

ВЫСОЧАЙШЕ утвержденномъ въ 1881 году.

Наличные капиталы Общества 32.000.000 руб.

Общество заключаетъ страхованія по новѣйшимъ планамъ и на самыхъ выгодныхъ условіяхъ, а именно:

- Капиталовъ на случай смерти,
- Вдовьихъ пенсій,
- Капиталовъ на старость,
- Приданого для дѣвушекъ,
- Стипендій для мальчиковъ,
- Пожизненныхъ доходовъ.

Къ 1 января 1898 г. въ Обществѣ „Россія“ было застраховано 49,736 лицъ на капиталъ въ 117.356,600 руб.

Заявленія о страхованіи принимаются и всякаго рода свѣдѣнія сообщаются въ Правленіи въ С.-Петербургѣ (Большая Морская, собств. домъ, № 37), агентомъ въ г. Тобольскѣ А. Н. Ложкинымъ (Рождественская ул., д. Корниловой) и агентами Общества во всѣхъ городахъ Имперіи.

В СОДЕРЖАНІИ. Вторая публичная бесѣда со старообрядцами въ г. Тимени. — Можетъ ли быть театръ нравственно-воспитательнымъ средствомъ для простаго народа. — Судьба перваго архіепископа старообрядческаго съ титуломъ «Тобольскаго и всей Сибири». — Приговоръ Киргизско-Лытаковскаго сельскаго схода 1897 года мая 25 дня. — Объявленіе...

Редакторъ Н. Городковъ.

Доволено цензурою 16-го юня 1898 г. Тип. Тоб. губ. арх. Братства.

торымъ ежна оль.
въ Божьихъ рукахъ находится.

15.

НЕБЭК.

Бумага — книги.

К

небэкъ.

аука, оксарь, кажи, кеназь, кежи, козя, корды,
ручн. олень, лисица, болъзань, кадка, ножь, хозяинь, желъзо,
кунжобъ, курь, уксимъ, кутармада анъ мосль. Кутарма
гребень, нога, скверный, драться не падо. Драки
аль вера. Киля, кель таганъ кагла. Ма кежемъ нижъ.
не дълай. Вставай, веревку крѣпче держи. Мой ножикъ тупой.
Ма лаимемъ нижмасъ. Тамъ товуна нежь ить оръ
Мой топоръ притушился. Этой весной ни одного дикаго
каланъ анъ вельсамъ. Нюги сыль еже кабальда. Луэль
оленя не добыль. Нюги край немного подшей. Ему
яста его адъ каремаль. Артна мѣда номысь анъ
скажи назадъ пусть вернется. Долгомъ дать умъ не
керлаль. Торымъ лезаза касътыда антъ рагалъ — крегъ.
поворачивается. Бога попустому поминать нельзя грѣхъ.

16.

ИНДАП.

Иголка.

П

индапъ.

Перна позъ пона. Куль пеле поллы па пользихъ ляги.
Креста знаменіе положи. На діавола дунъ и плюнь.
Ма корь алда парсемъ. Тагиліе сумпъ подәръ манемъ
Я печь топить велѣль. Напрасно ложнаго рѣчей мнѣ
аль подарда. Аль зула сумпъ подәръ эльты. Нумби
не говори. Не вѣрь ложнымъ рѣчамъ. Чрезвычайно
энты няурематъ небэкна сора анъ онтлэтъ. Торымъ мѣимъ
рѣзвыя дѣти книги скоро не выучать. Богомъ даннымъ

тазьна аль еразя. Туняль манемъ алемать аль
имуществомъ не гордись. Въ прошл. году мнѣ обѣщаннаго не
ерема. Паръ сора манль, еже адъ лоиль. Нынѣ
забудь. Очень скоро ѣдетъ, немного пусть станеть. У тебя
эультэнъ товаръ аръ лотсэнъ, моза недопсы манемъ
товару много куниль, чего нибудь прибавку мнѣ
мія. И пушь манемъ няльмисанъ, киметты анъ няль-
дай. Одинъ разъ меня обманулъ, въ другой разъ не об-
миленъ. Топъ и Торымъ, мотли номазъ тайль.
манешъ. Только одинъ Богъ справедливый умъ имѣеть.
Пурьсь иги. Онтлапса най, антъ онтлапса патламъ.
Старый старикъ. Ученіе свѣтъ, не ученіе тьма.
Онтлапса огъ кинзя, емъ. Аземъ иги тазъ ордась.
Ученіе денегъ лучше. Отецъ старикъ имѣніе раздѣлилъ,
ма юганамъ муя киметты орта вуратледы. На
мою часть зачѣмъ во второй разъ дѣлить усиливаетсь. На
пужъ илебъ пазанъ верлемъ. Торымъ палленъ ки,
слѣдующій годъ новый столъ сдѣлаю. Бога боишься если,
ма тазъ его мія. Муй ныгенъ пардамать ситъ вера. Анъ
мое имѣніе назадъ отдай. Что тебѣ приказано, то дѣлай. Не
пейльды ягъ можъ аръ тайлетъ. Судьягъ номазъ ма
моющійся народъ болѣзней много имѣеть. Судей умъ на
пелемъ каремась. Перна эультъ муръ эльты ойдазъ
мою сторону склонился. Крестомъ народу благодать
егтась.
пришла.

17.

СОХ.

Осетръ и шкура.

Ж

СОХЪ.

Ханъ, восхо, ханжи, хыръ, рагта-хо, холида. Хобъ
Царь, купецъ, буквы, пестрота, мѣшокъ, родственникъ, слушать. Лодку
варда. Вордымъ-хатль. Халэвуть алыгъ сагать киля. Топъ
спехни. Цѣлый день. Завтра рано вставай. Только
адъ яламдась, мохты каселэмъ. Илянъ тайды ягъ
пусть подхолодаеть, тотчасъ перекочую. Болвановъ имѣющіе люди

волли тазь-ли пытсать. Абсемь пильна и охтына оллэмь, совсѣмь безъ богатства стали. Съ млад. братомъ заодно живетъ.

Киметты ма хозяемъ алъ егытыля. Кири пужь Во второй разъ ко мнѣ не приходи. Взадъ и впередъ ягты и хатль кемь. Па хо калант емасъ тзды одинъ день только. Другаго человѣка оленъ хорошенько лайла. Нужа нѣмхо молаи лакталенъ? Ма мидхоемъ карауль. Бѣднаго человѣка зачѣмъ гнѣшаться? Моего работника нынъ оголна лельда. Си аратъ Торымъ миймъ хуль на твою нарту прими. Такое множество Богомъ данной рыбы лильта крегъ. Ондастады-хо Торымна ондастала. Лоламда-гноить грѣхъ. Помогающему Богъ помогаетъ. Вора хо сущъ судитъа вери партль. Ма хозяемъ мой-хо егтасъ законъ судить строго велить. Ко мнѣ гость пришелъ емасъ мой лоптада литлэмь. Нужа нѣмхо эльты хорошенько угостить хочу. Вѣдному человѣку

Торымъ недта партль. Ма хоземъ няурамъ семна пидасъ, Богъ помогать велѣль. У меня ребенокъ родился, луель нѣмна адъ нѣмелтла. Немаза анъ нила. Торымъ пу-они имя пусть нарекутъ. Ничего не видно. Противъ Бо-лянъ ольда-хо ерамды мосьты пора на манемъ га стоящій святой Божій человѣкъ въ нуждѣ и лишенияхъ мнѣ ондастасанъ. Ханды ягъ паръ адама оллатъ. Тагили помогы ты. Остаи очень худо живутъ. Напрасно пользы верда мотли нѣмхо пеле Торымъ крегъ. клевету дѣлатъ на справедливаго человѣка отъ Бога грѣхъ.

Па нѣмхой олбазъ понжида антъ рагалъ. Другаго человѣка имущество отнимать нельзя.

18.

АСВѢЧА.

Свѣча.

Б Ч

асвѣча.

Асвѣча сугомъ веччеда-хо, Торымъ игъ Свѣтильня, Спасаящій, Избавляющій, Ограждающій, Божій сынъ муна охлисъ муръ крѣкаты эультъ веччида. Па на землю сходилъ народъ отъ грѣха оградить. Другаго нѣмхо олпасъ лоламманъ выимадъ вурдъ антъ тайль. человѣка собственность воровски взятая спорины не имѣтъ.

Ма мальчагамъ емасъ ёнда. Куччимъ нэмхо кимъ кў-
Мою малицу хорошенько шей. Пьянаго челоўка вонъ вы-
ритла. Инъ иски, хожимъ мальчагамъ ломда. Вочча
талкивають. Тенерь холодно, теплую малицу надьнь. Цьльй
хатль сайбисмынь немаза антъ вельсаманъ. Халевутъ сай-
день неводили, ничего не добыли. Завтра будемъ
бильманъ емъ таго ки ослемъ.
неводитъ хорошее мѣсто если найдемъ.

19.

И ПУШ.

Одинъ разъ.

Ш

и пушъ.

Ошъ, шокъ, побъ, шогастьа, шогазимъ, шимель,
Толкъ, мучение, половина, мучиться, мученикъ, мало,
отшамъ, касльтада, кашта, вешта, вештада-хо.
глушй, сушить, искать, освобождать, избав. Освободитель, изба-

Ишни пунжа. Ма шогалды няурамъ осамъ, Торымъ
витель. Окно отвори. Я сиротой былъ, Божією
ондаска эмамсэнъ. Христось ильбалась! Ена ильбалась.
помощью выросъ. воскресъ! Воистину воскресъ.

И тагана омыманъ муй шитленъ? Вельпаза,
На одномъ мѣстѣ сидя, чего приобрьтешь? Промышляй,
тынязи, улбозъ тайда иленъ. Нэмхо судъ зультъ
торгуй, достатокъ имѣть будешь. Человѣческаго суда отъ
атамъ верать ханятленъ, Торымъ судъ зультъ нежъ
худья дѣла скроешь, Божьяго суда отъ даже

номдыданъ анъ ханятленъ. Отшамъ нэмхо пильна
въ памяти находящагося не скроешь. Съ глушымъ челоўкомъ
немаза емъ веръ антъ арматленъ. Отшаманъ молаи
никакого хорошаго дѣла не уразумѣешь. Глуно зачѣмъ
потартленъ.

говоришь.

20.

ИНГ.

Вода.

НГ

ИИГЪ.

Наиъ, каланъ, кажанъ, анги, аналь, сэмъ инъ,
Лиственница, олень, больной, мать, столбъ, слезы,
емынъ, инъ. Ёхли пеле аль энардыя. Си атамъ веръ
святая вода. Назадъ не оглядывайся. За такое худое
орынна нынень сента мосль. Тангиманъ мана. Торымъ
дбло тебя розгами наказать надо. Тихонько ступай. Богъ
мунэу погна тайлели ордалади орынна. Саибъ ванамна
намъ несчастье попускаеть испытанія ради. Неводъ на задъву
хайсь. Тамъ лунъ инъ шенъ эбытта выччилъ. Воча хатль
попаль. Это лбо вода сильно прибывать хочеть. Цблый день
тагили лонотсанъ иламба курсанъ. Хатъ харъ
напрасно трудился однако изъ силъ выбился. Въ избѣ поль
моноста мосль нынъ монгоза. Пунгаль ягъ эультъ эвула,
вытереть нужно ты вытри. Отъ посторонняго челов. увѣрься,
ма намаза анъ лаусамъ нынъ пулянъ. Торымъ нынэнъ тазена
я ничего не говорилъ тебѣ противъ. Богъ тебя богатымъ
верасъ, шогасъты муръ аль ерема. Ханды ягъ сэмлалъ
сдѣлалъ, бѣдный народъ не забудь. Остяги глаза
позанъ эультъ еклеть. Суюуть воягать и хатль лунды
отъ дыму портать. Телята жирные каждый день
сянерлэть.
играють.

21.

ЛАРЕЦ.

Ящикъ.

Ц

ларецъ.

Ларецъ либина олды оготъ таганъ шаувья. Емынъ
Въ ящикѣ находящіяся деньги крѣиче храни. Церковь
хатъ лонзя, паиксида литлу. Суматъ вожъ моза ягта
поставъ, молиться хочемъ. До Березова съѣздить
выччилэмъ. Ма можемна кушь адъ халалъ, намаза антъ
хочу. Для меня хотъ пусть умереть, ничего не
малэмъ. Па сагать керды. Йття элбина амбатъ
дамъ. На другую сторону поверни. Передъ погодой собави

кортлыметъ. Миленъ могоды. Согортомъ артна киметты катаются. Шапку сними. Отданнаго долга во второй разъ ма эультэмъ алъ канжа. Паягъ эультъ нынъ еже соданшикъ отъ меня не ищи. Противъ другихъ ты немного состоятельнѣе манемъ эльты еже неда. Муй орыгна манемъ юрбалпентъ намъ немного помощи. Для чего на меня жаловался моза пуштасэмъ? Симись пугабъ немаза анъ сяслъ. Лидатъ чего я напрокудилъ? Такой шумъ ничего не слышно. Ищи манемъ тасьта еже оль ма еготлэмъ. Каманъ пушь ныгень мнѣ приготовь немного я приду. Сколько разъ тебя онтльтасемъ номысъ катльта азятъ антъ литленъ. Ларась училъ, ума брать ты вовсе не хочешь ты. Ящикъ тамъ муунъ ягъ вина есьманъ тазьлалъ волли холтцалолъ. этой земли народъ вино пилъ богатство вовсе утекло. Ильби тазинъ хандыягъ, инъ мидасьманъ олласть. Тоголъ Прежде богатые остяки теперь въ наймахъ живутъ. Иного нэмхо олапса конъ, тоголъ нэмхо олапса сеготъ. Нынъ человекъ жизнь легкая, иного человекъ жизнь тяжелая. Ты мидасьсанъ небекъ хозе ежъ позъ пона. Ежекъ Торымъ нанаялся къ бумагъ рукой знакъ положи. Господи сорда ламемъ порана манемъ ондастасанъ, халды моза ныгъ въ нужную пору мнѣ помогъ ты, смерти до твою ондазанъ антъ еремалэмъ. Адамъ веръ верамъ юбина нэм-милость не забуду. Послѣ сдѣланнаго худаго дѣла чело-хо тыжтаманъ ольлеилъ. Ай тѣльна вина на тынеследы вѣкъ печальнымъ находится. Съ малыхъ лѣтъ виномъ торгуете вуртль хада оль. Небэкъ антъ ойсьманъ вери отшамъ спорина гдѣ есть. Книгу не зная очень глушымъ осамъ, небэкъ онтльтамемъ юбина оженашыкъ исамъ. Азень былъ я, книгу изучивши смышденѣе сталъ. Надъ ангель алъ нега Торымъ судъ эультъ паллэнъ ки. Торымъ отцомъ матерью не смѣйся суда Божьяго боишься если. Съ Божіею ондасна аильта, небекъ онтльтада мослъ. Най лонда моза помощью понемногу книгу изучать надо. До заходу солнца регатъ ванзя. Талагъ хатль робитманъ паръ мэтдамъ. Аръ ягоды бери. Пѣлый день работаль, очень усталъ. Много нэмхой мидалада выччилэмъ. Емынъ хотъ пулянъ лойленъ мил-людей начать хочу. Церкви противъ стоишь шапку лень ногъ пайда. Торымъ пеле емасъ пайксяды тумдага сними. Богу хорошенъко молитесь, здоровье мунгэу адъ шавыиль. Хатль пала исъ, ногъ кия! То-наше пусть сохранить. День высоко сталъ, встань! Бо-

рымъ пеле пайксялу. Лѣнь нѣмхо, ванда ходы хумлась
 гу помолимся. Лѣнивый человекъ, смотри какъ муравей
 и мохты робитманъ ольлеиль. Няуремать холидагъ и
 постоянно въ работѣ находится. Дѣти, слушайте одинъ
 Торымъ муу патмадасъ азатъ нидытъ па анъ нидытъ лу
 Богъ землю сотвориль все видимое и невидимое Онъ
 шавыиль па ондасталъ. Топъ и Торымъ эльты пайксида
 хранить и милуетъ. Только одному Богу кланяться
 рагаль, муу ловатна муръ эльты топъ лу Адэль
 можно, земли всей народу только Онъ одинъ
 ондазъ верль. Торымъ подардамъ языгъ вандамъ яхна
 милость дѣлаеть. Богомъ сказанныя слова очевидцы
 небѣкна паста сѣтъ. Торымъ небѣкъ лундаты ситна мостальды
 въ книги записали. Божьи книги читайте тогда уразумѣте,
 перна сиръ шома Торымъ эультъ тхусъ. Ильби
 что христіанская вѣра прямо отъ Бога произошла. Нѣкогда
 Торымъ Икъ мууна охлиесъ муръ онтльтада орынна;
 Сытъ Божій на землю приходиль народъ учить;
 онтльта малъ юбина ногъ эллась. Хунцы киметты,
 послѣ обученія вознесся на небо. Потомъ во второй разъ
 Лу па еготль муръ судитты орынна. И онтльтымъ
 Онъ онять придетъ людей судить. За одного ученаго
 нѣмхо сагать катнъ антъ оитльтамъ нѣмхо мѣла.
 человекъ двухъ неученыхъ людей дають.
 Тоголна ханжемать лаимна анъ ванля.
 Перомъ написаннаго топоромъ не вырубить.

Кромѣ этого о. Егоровъ обѣщаетъ потрудиться надъ составленіемъ для своей школы и еще двухъ книжекъ: одной въ родѣ учебника и другой—книги для чтенія. Эти книги, по словамъ его пояснительной записки, будутъ заключать въ себѣ отъ 5—10 маленькихъ статейекъ. Тогда остятскія дѣти, не зная вовсе по-русски, приобрѣтутъ умѣнье сознательно читать на остятскомъ языкѣ. Это, такъ сказать, курсъ перваго года. Для втораго года о. Егоровъ обѣщаетъ составить книгу для чтенія уже изъ 20—30 статей и, кромѣ того, предполагаетъ, что и необходимо, составить даже христоматию. По ариметикѣ для втораго года—4 дѣйствія въ предѣлѣ первой сотни, таблица мѣръ и нумерація до 1000.

За успѣхъ своего дѣла о. Егоровъ не сомнѣвается. Первый примѣръ чтенія и, особенно, переписки на остятскомъ языкѣ, высказы-

ваетъ онъ, что должно быть демонстрировано миссіею при первой возможности, привлечетъ массу желающихъ учиться.

И дай Богъ, чтобы слова о. Иоанна Егорова осуществились на самомъ дѣлѣ ко благу инородческаго населенія нашего суроваго сѣвера, гдѣ б. м. со временемъ учителями своихъ сородичей могутъ быть ихъ же дѣти, и въ длинные зимніе вечера, при пылающемъ кострѣ чума, станутъ поучать своихъ отцовъ и матерей назидательнымъ и полезнымъ чтеніемъ.

Комитетъ миссіонерскаго общества, принимая близко къ сердцу вопросъ о переводахъ на остатскій языкъ, рекомендовалъ оо. миссіонерамъ Обдорской миссіи общими силами заняться этимъ важнымъ дѣломъ. А для разсмотрѣнія таковыхъ переводовъ въ г. Тобольскѣ образована особая переводческая комиссія, съ правомъ приглашать на свои засѣданія знатоковъ остатскихъ нарѣчій, каковыхъ въ г. Тобольскѣ не мало. Въ наиболѣе же важныхъ случаяхъ предположено даже вызывать изъ Обдорска и опытныхъ толмачей.

